35 коп.

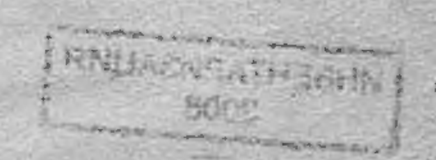
И. МИЛЬЧИК

РАБОЧИЙ ФЕВРАЛЬ

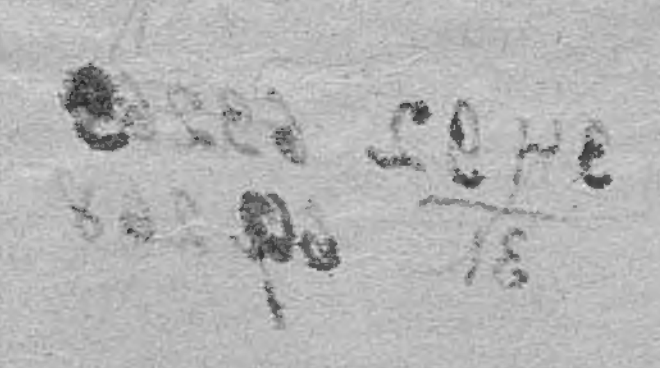

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1931

И. МИЛЬЧИК

РАБОЧИЙ ФЕВРАЛЬ

ОГИЗ — МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
МОСКВА 1931 ЛЕНИНГРАД

ОГИЗ – Д 12—509/л.
Ленинградский Областлит 1083. Тир, 10.000. 3 п. л. Февр. Зак. 2538.

Тип. „Коминтерн“ Центриздата. Ленинград, Красная ул. 1.

„Перед Красным Октябрем склонился—делать неча—
Демократический февраль — его предтеча“.

Д. Бедный.

ПРЕДФЕВРАЛЬЕ

Империалистическая война прежде всего сильнейшим образом отразилась на состоянии промышленности и однородности состава питерского фабрично-заводского пролетариата. Вся петроградская группа металлических заводов, в том числе и крупные кустарные мастерские, перешли на исполнение военных заказов. Другая крупнейшая отрасль питерской промышленности—текстильная—отдавала на войну 70 процентов своего производства. Правительство — заказчик—не жалело авансов под заказы, благо деньги „союзнических“ капиталистов за кровь и жизнь русских рабочих и крестьян лились рекою...

Заводчики спешно расширяли мастерские, строили новые, оборудуя их станками и машинами, преимущественно типа автоматно-револьверного и штамповочного, приспосабливая под выработку снарядов, шрапнелей, мин, гильз, артиллерийских прицелов и прочих военных припасов. Военные заказы, в силу их массовости и стандартности, автоматизировали производ-

ственные процессы, создавая благоприятные условия для втягивания в промышленность неквалифицированной рабочей силы—сырых деревенских масс, создавая спрос на труд женщин и подростков.

Первым результатом мобилизации промышленности для целей войны явилось катастрофическое падение производства сельскохозяйственных машин и орудий. Не удовлетворявшее полностью и довоенную потребность, оно падает в 1915 г. до 50 процентов производства 1914 г., в 1916 г.—до 20 процентов и в 1917 г.—до 15 процентов [1]. Вместе с общим падением выработки промышленной продукции, необходимой в сельском хозяйстве, и беспрерывными мобилизациями трудоспособного населения сел и деревень, катастрофически сокращается посевная площадь и падает снабжение хлебом промышленных центров и армии, особенно резко ухудшившееся в конце 1916 г. Полуголодная норма месячного потребления петроградского населения в начале 1916 г. выражалась в 21 тысяче тонн пшеничной и ржаной муки, а в декабре 1916 г. в Ленинград прибывает лишь 45 вагонов (700 тонн), в январе 1917 г.—39 вагонов [2].

Главной причиной катастрофического падения производства сельскохозяйственной продукции являлись беспрерывные в продолжение ряда лет мобилизации, которые вырывали из хозяйств и отправляли на убой наиболее крепких и жизнеспособных работников, заставляя женщин и подростков переселяться в промышленные центры в поисках работы. Пользуясь обнищанием середняцких и бедняцких хозяйств, богатели кулаки, скупавшие за бесценок разоренные хозяйства.

Бедствия деревни увеличились в конце 1915 г., когда правительство, вынуждаемое бешеным ростом цен на хлеб, установило твердые цены на него и одно-

---

1 Пионтковский, „Октябрьская революция в России", стр. 17.
2 Шляпников, „1917 г.", ч. 1.

временно оставило свободными цены на промышленные изделия. В результате мелкие хозяйства, не эксплоатирующие наемного труда, перестали получать за свою скудную продукцию реальные равнозначущие ценности, и тяга в города еще более усилилась.

Зажиточные слои крестьянства толкала в рабочие центры и погоня за „большими пятаками“, призрачными вследствие падения покупной стоимости бумажных денег.

Крестьянский поток хлынул в Питер на смену кадровым рабочим, изъятым из стен заводов и фабрик первыми мобилизациями 1914—15 гг. Питерские заводы первого года войны пополнились и пролетариями районов с сильно развитой промышленностью (Польши и Прибалтики), подвергшихся военному разгрому. На заводах работало также довольно значительное число финнов и эстонцев, выписанных мастерами-земляками из ближайших к Петрограду местностей.

Этих рабочих загнали в Питер война и молва о больших заработках. Плохо владея русским языком, они держались обособленно, ожидая конца войны, чтобы, подзаработав, уехать на родину.

В связи с вынужденной отменой правительством существовавшего до войны запрещения применять в России „желтый труд“, на заводах даже шли упорные слухи, что в Петроград прибудет партия корейцев и китайцев, выписанных капиталистами вместо русских рабочих, отправляемых на фронт.

Лавочники и ремесленники облюбовали заводы местом спасения от фронта. Про таких „пролетариев“ рабочие говорили: „раньше был кесарем, а теперь стал слесарем“.

Наконец, правительство „пригнало“ из различных полков солдат-„мастеровых“, составивших на некоторых заводах довольно большой процент общего числа рабочих. Например, на Путиловском заводе было 5.000 солдат 67-го Тарутинского полка, т. е. четверть

общего числа рабочих[1]. Смешивая рабочих с солдатами, правительство рассчитывало, что военная дисциплина и малая оплата труда солдат-рабочих сделают свое дело—вызовут антагонизм между ними и „вольными“ рабочими, и солдаты-рабочие явятся оплотом против забастовок. Вначале так и было. Солдаты держали себя как на военной службе. Ходили в военной форме, с погонами, тянулись перед начальством. Но потом те из них, которые ранее работали на заводах, бывшие рабочие, стали присоединяться к рабочим и выходить вместе с ними во время забастовок, хотя активного участия в последних (за исключением отдельных лиц) не принимали, страшась военного суда.

Такая же ставка делалась правительством на разрыв в оплате труда между малоквалифицированными рабочими и чернорабочими, с одной стороны, и квалифицированными—с другой. Заработок токарей, слесарей, механиков, формовщиков и т. д., примерно теперешнего 6—7 разряда, к февралю 1917 г. равнялся 10—12 руб. Автоматчики, револьверщики зарабатывали 4—5 руб.; чернорабочие („поднять да бросить“)—2—3 руб. Резкий разрыв зарплаты действительно часто имел влияние при решении вопроса о выступлениях и забастовках: неквалифицированные рабочие неохотно присоединялись к квалифицированным рабочим или даже отказывались от совместных действий с ними, ссылаясь на свой малый заработок. Бывало и наоборот: чернорабочие требовали общезаводских забастовок за повышение их заработка, хотя борьба за увеличение их зарплаты не прекращалась за все время войны и, как правило, при всех экономических забастовках включалась в требования.

Одна такая забастовка в 1916 г. на заводе „Новый Леснер“ (ныне завод им. Карла Маркса), которую ра-

---

[1] Лемешов. „На Путиловском заводе в годы войны“, „Красная Летопись“ № 2 (23) 1927, стр. 1.

бочие начали исключительно для предотвращения раскола между квалифицированными рабочими и чернорабочими, окончилась плачевно для тех и других: пробастовав две недели, стали на работу, ничего не добившись. Около пятисот наиболее сознательных рабочих остались без работы, свыше ста человек были отправлены на фронт.

Если разрыв в зарплате между квалифицированными рабочими и чернорабочими был велик, то в отношении оплаты труда мальчиков он был безобразен. Поденная плата мальчика колебалась от 40—50 до 70—80 коп., в единичных случаях достигая одного рубля.

Самое понятие „мальчик" было весьма растяжимо. В этой категории числились и мальчуганы 13-14 лет и великовозрастные парни лет 19. Если парень продолжал работать на том же заводе, куда поступил 12-летним птенцом, то он по инерции лет до 18-19 считался „мальчиком", хотя и работал заправским револьверщиком или токарем на мелком станке. Рядом на этой же работе сидел малоквалифицированный взрослый рабочий, а то и женщина — и зарабатывали сдельно вдвое-втрое больше его, а парень работал поденно за семь-восемь гривен в день. Поэтому, как только молодежь выходила из стадии ученичества, мало-мальски подковывалась в работе, она норовила переметнуться на другой завод—там парню другая честь и другая зарплата.

Мальчики, жившие при родителях, редко имели свой отдельный бюджет, их „заработок" вливался в общий котел семьи, и кое-как жить было можно. Положение же молодежи, перекочевавшей в город из разоренной деревни, жившей одиночками, было тяжелее. Смехотворная надбавка на дороговизну во время войны в 3 копейки за час взрослому рабочему — не на всех заводах распространялась на мальчиков. На некоторых заводах давали те же 3 копейки, на других—копейку, а на третьих—ничего.

На этой почве летом 1915 г. на заводе „Старый Леснер“ (ныне „Торпеда“, у Гренадерского моста, на Выборгской стороне) возникла специальная забастовка молодежи—забастовка „мальчиков“. Началась она следующим образом.

При определении суммы надбавки на дороговизну мальчикам дали копейку в час, т. е. прибавили всего 10 копеек в день при поденной плате на этом заводе в 40—50 коп.

Завод „Старый Леснер“—революционный завод с преобладающим большевистским влиянием. Мальчикам было с кого брать пример. Копившаяся обида разразилась в один из обеденных перерывов чем-то вроде летучего митинга. Не сознавая еще тогда себя „полноценными гражданами“, мальчики собрались в уборной. Говорилось о тяжелом экономическом положении заводской молодежи. Решили послать делегатов с требованием дать на дороговизну те же 3 копейки, что и взрослым рабочим. Сказано—сделано. Тут же, в уборной, выбрали трех парней и послали в заводоуправление.

Делегаты вскоре явились и сообщили, что директор с ними не разговаривает и велит притти всем недовольным. Ребята гурьбой ввалились к директору завода Бачманову и хором изложили свою больше чем скромную претензию. Тучный и важный Бачманов отнесся к „мальчишкам“ свысока, бросил неопределенное „старайтесь—получите прибавку“ и больше не пожелал разговаривать. Ребята, расходясь, шумели: „Не хочешь, не надо—не будем работать, давай расчет, кровопийца“ [1]. И 300 человек подростков честь-честью, совсем как взрослые забастовщики, выкатились в неурочное время с завода на улицу.

Эта первая молодежная забастовка отличалась от взрослой тем, что забастовщики не искали поддержки

---

[1] Киров и Далин, „Хрестоматия юношеского движения в России“.

рабочих, не стремились привлечь к себе внимание рабочей печати, не производили сборов, а... с утра до вечера купались в Невке против самых ворот завода.

На четвертый день на воротах появилось объявление заводоуправления о расчете мальчиков. Молодежь оказалась в довольно тяжелом положении. Дома пилят не только матери, но и отцы-рабочие. Многие забастовщики были в таком возрасте, что при увольнении с завода им грозил призыв в армию. А главное—рабочие завода не отнеслись достаточно серьезно к выступлению молодежи, не поддержали ее попытки вступить в борьбу с могущественным врагом за улучшение своего экономического положения. Разумеется, без такой поддержки забастовка молодежи заранее была обречена на неудачу: производство не было потрясено, а администрация в таких случаях не склонна была итти на уступки. В этом равнодушии рабочих сказалось предубеждение массы против обособленных выступлений,—дескать, интересы молодежи слиты с общими интересами рабочей массы и отстаиваются при общих заводских забастовках.

Все же рабочие, видя, какой оборот принимает дело, добились у завода отмены расчета и принятия мальчиков на прежних условиях и, главное, без увольнения зачинщиков.

С тяжелым сердцем приступили ребята к работе. Но, несмотря на неудачу, эта забастовка окрылила молодежь. Появилось бодрое сознание, что она в состоянии организованно бороться с капиталистами, и дело не за ней, а за поддержкой рабочих, которой ребята рано или поздно добьются.

К февралю 1917 г. на питерских фабриках и заводах насчитывалось около 500 тысяч человек, из них 60 процентов по металлической группе. Одну треть всего пролетариата, главным образом фабричного, составляли женщины. На Выборгской стороне было 80—90 тысяч рабочих.

Стремительно развернувшийся масштаб войны, вынудивший правительство к столь же быстрому развертыванию военной промышленности, заставил прекратить мобилизации нужных для промышленности рабочих. Вместо мобилизации правительство милитаризировало все фабрики и заводы, работавшие на оборону (а таких было подавляющее большинство). Милитаризация выразилась в том, что рабочие в возрасте от 20 до 45 лет — ратники, запасные, призывники—были объявлены военнообязанными; только на одном Путиловском заводе было 16.000 военнообязанных [1].

Труд военнообязанных на заводе был „дарован" взамен службы на позициях, и отказ от работы неизбежно влек за собой призыв рабочего в войска для отправки на фронт. Поэтому чуть-что заводское начальство грозилось привлечь военнообязанного рабочего к отбытию воинской повинности.

Это мероприятие фактически превращало рабочего в „рядового при станке" и окончательно развязывало руки заводчикам и фабрикантам для своего обогащения. Обогащались, не мудрствуя лукаво, путем свиреной эксплоатации рабочих, осуществлявшейся через фельдфебелей капиталистических заводоуправлений— мастеров. При всей своей гнусности царская милитаризация заводов имела и положительную сторону: она сохраняла на заводах оставшееся от первых призывов основное ядро сознательных рабочих и рабочих-партийцев старших возрастов, сыгравших впоследствии, в февральских событиях, решающую роль.

Но ни милитаризация заводов, ни разжижение питерского пролетариата „деревенщиной", женщинами и подростками, ни понижение квалификации рабочих кадров не могли создать правительству желанных

---

[1] Доклад охранного отделения от 2 апреля 1916 г. № 88, Флеер, „ПК большевиков в годы войны".

„нормальных“ условий работы заводов, т. е. не могли прекратить или ослабить экономическую и политическую борьбу. Военные поражения, угроза голода, перспектива очутиться на фронте в роли „пушечного мяса“, свирепая эксплоатация рабочих масс являлись слишком большими и объективными (в противовес шовинистическому туману, напускаемому прессой всех оттенков) революционизирующими факторами. И закабаление рабочих положением военнообязанных ничего не дало для царизма, послужив на пользу только капиталистическим акулам, загребавшим за счет милитаризации сверхприбыли военного времени.

Кроме обычных средств борьбы с рабочим движением—каторги, тюрем и ссылки, правительство ввело новшество—отправку на фронт. Эта мера вследствие чрезвычайно широкого ее применения даже, так сказать, вульгаризировалась. Она была средством борьбы не только против забастовок: отправкой на фронт карались рабочие и за прогулы, за попытки перейти на другой завод и за отказ работать по низкой расценке.

Призывает, например, мастер токаря в свою конторку. Конторка завалена отливками, поковками. Указывая перстом на какую-нибудь из них, мастер говорит:

— Возьми эти крышки и, пока у тебя самоход, подумай и скажи цену.

Рабочий забирает отливки, обдумывает, с какой стороны их лучше начать точить; как их взять в патрон, чтобы два раза не перевертывать; испишет станину мелом, исчисляя и рассчитывая; посоветуется с товарищами; заготовит во время самохода нужные резцы и, зная, что жох-мастер лишнего не даст, определяет цену в соответствии со своим установившимся заработком.

Зовет мастер.

— Ну, надумал?

— Надумал.
— Сколько?
— Пять рублей за штуку.
— Да ты что, с ума сошел? Два рубля!
— Что вы, господин мастер, ведь за крышкой полдня работы, своего поденного заработка не выработаешь.
— Ну, не хочешь, как хочешь.
— Господин мастер, дайте другую работу.
— Нет у меня другой работы. Не согласен—можешь убираться!

Рабочий помнется, помнется и уходит из конторки посоветоваться, пожаловаться товарищам. Те клянут мастера, поминают его родителей до двенадцатого колена, обещают под пьяную руку морду набить, но, конечно, помочь не могут. Если по каждому такому случаю бастовать, то придется бастовать круглый год. Вытрет станок рабочий, очистит от стружек. Ходит по мастерской час, ходит полдня. Куда пойдешь? Кому скажешь? Профсоюза нет, РКК нет, трудсессии нет... Рабочий опять к мастеру.

— Господин мастер, дайте переводку на другой завод!
— Перевода не дам. Не хочешь работать — за ворота!

Рабочий в отчаянии. На другой завод без перевода не попасть, без работы остаться—жрать нечего, а главное—как только дворник на квартире пронюхает, что рабочий ушел с завода, сейчас же сообщит полиции. Из полиции повестка—явиться. Оттуда—к воинскому начальнику, а от воинского — прямым сообщением в проходные казармы и на фронт. И рабочий, проклиная капиталистов всего света, дракона-мастера, подавляя в себе чувство унижения, стыд перед товарищами, опять идет к своему мучителю. Тот куражится: „занят“—промеряет работы, рассматривает чертежи, „не замечает“ рабочего.

— Господин мастер, я согласен.

Мастер важно, не торопясь, оглядывается.

— Ну вот, кобенился, проволодырничал день, половину бы уже сделал. Не стоило бы тебя допускать к работе, да чорт с тобой. Другой раз будешь шебаршить—пойдешь к воинскому. Мало еще вас учили, чертей!

Не все, разумеется, склоняли голову перед всесильной нуждой и угрозой фронта. Политически зрелое меньшинство протестовало, заостряло такие вопросы перед массой. Такой строптивой публикой были забиты полицейские участки Питера, в особенности участок на Выборгской стороне, около Гренадерского моста, и проходные казармы на Загородном.

Классовая борьба не только не прекратилась на милитаризированных заводах, но, наоборот, резко обострилась вместе с ростом свирепой эксплоатации рабочего класса, проводимой под флагом патриотизма.

Усилению классовой борьбы способствовала также и концентрация (укрупнение) промышленных предприятий Петрограда за счет ликвидации средних и мелких.

Объявление войны (июль 1914 г.) застало питерский пролетариат в состоянии острой борьбы с самодержавием. Первомайская забастовка 1914 г. приняла колоссальные размеры — бастовало 250.000 чел. Прошла волна забастовок по поводу массовых отравлений рабочих и работниц на табачных фабриках, на „Треугольнике"; на Тентелевском химическом заводе. Демонстрацией борьбы за человеческое достоинство была стодневная забастовка новолеснеровцев в связи с самоубийством рабочего Стронгина, обвиненного мастером в краже меди. Пощечиной мракобесию реакционной части „образованного общества" явилась забастовка в июне 1914 г. по поводу суда над адвокатами, защищавшими Бейлиса. Привлекла внимание страны демонстрация пролетарской солидарности — забастовка-поддержка борьбы далеких бакинских

рабочих, требовавших на ряду с гигиеническими жилищами, медицинской помощью и таких „странных" для „темных" промысловых рабочих — персов, армян, татар — вещей, как всеобщее обучение, легализация первомайского праздника, постройка народных домов и пр.

Бакинская забастовка послужила толчком к июльским событиям в Петербурге. 3 июля полиция стреляла в 12-тысячный митинг путиловцев, собравшихся на дворе завода. „Правда" оповестила пролетариат Питера о расстрелах. Волна гнева захлестнула рабочих. На другой день бастовало 90.000 человек, на третий—130.000. Фабриканты и заводчики ответили на забастовку локаутом. В результате борьба перешла на улицу. Произошел ряд схваток с полицией, действовавшей огнестрельным оружием. Рабочие окраины, в особенности Выборгская сторона, покрылись баррикадами из трамвайных вагонов, телеграфных столбов, бочек, телег. Были убитые и раненые.

Объявление войны понизило борьбу. Под завесой дурманящих газов национализма и шовинизма правительство перешло в контратаку против „внутреннего врага" — против рабочих, разгромило движение, подавило все признаки самодеятельности в рабочей среде и разрушило организационные связи между штабами рабочего движения и массой.

Почти год оправляется питерский пролетариат от этих потрясений. С августа 1914 г. по июнь 1915 г. (до ораниенбаумской конференции большевиков) было всего 19 забастовок, преимущественно экономического характера, с 5.000 участников, общей продолжительностью в 6.700 рабочих дней.

Ораниенбаумская конференция была вызвана наметившимся переломом в пассивном настроении питерских рабочих. Она оформила этот перелом, определив отношение рабочего класса к войне, объединила разрозненный авангард питерских рабочих, установила

соотношение сил в возобновившейся борьбе. С этого момента кончается состояние разброда, охватившее на короткое время рабочие кадры. Борьба питерского пролетариата с самодержавием начинает развертываться и идет без перерывов с нарастающей силой, получив свое завершение в Февральской революции.

С июля 1915 г. параллельно идут две войны. Одна — на отрогах Карпатов и полях Галиции, другая — „бескровная“ — в недрах заводов и фабрик. Внешним показателем этой второй войны является количество и характер забастовок, начавших развертываться в ширину и глубину.

С июля по декабрь 1915 г. происходит 116 забастовок, в шесть раз больше, нежели за весь предшествующий год, из них больше половины (52) — политические. Общее число участников достигает 128.200. Забастовки становятся упорнее — их общая продолжительность 268.000 рабочих дней. В 1916 г. забастовочное движение принимает небывалые размеры и переходит в ярко-политическую фазу: 263 забастовки, из них 196 политических. Бастуют почти четыре пятых всего питерского фабрично-заводского пролетариата — 382.000 человек. Общая продолжительность забастовок 1.777.000 рабочих дней [1]. Это — цифры фабричной инспекции, стало быть, не уменьшенные. Но кроме, так сказать, забастовок официальных, редкий питерский завод во время войны не „итальянил“.

Стачечное движение из Питера перекидывается во все индустриальные пункты страны. В 1915 г. в России происходит 1.034 забастовки с 564.000 участников. В 1916 г. количество забастовок вырастает до 1.410 с количеством участников свыше миллиона [2].

Летом 1915 г. в Костроме полиция и войска стреляют в забастовавших ткачей. Не успели отзвучать

---

[1] Флеер. „ПК большевиков в годы войны“.
[2] Центроархив, „Рабочее движение в годы войны“.

костромские залпы, в Иваново-Вознесенске происходят новые расстрелы рабочих с многочисленными убитыми и ранеными. Кровь рабочих вызывает новые волны стачек-протестов, новый прилив классовой ненависти и революционной энергии в рабочем классе.

В связи с иваново-вознесенскими событиями в одном Петрограде 17, 18 и 19 августа бастовало свыше 13 заводов: Айваз, Старый и Новый Леснер, Феникс, два завода акционерного общества „Промет", Путиловская верфь, машиностроительный завод Семенова, 1-й воздухоплавательный завод, завод Лебедева, завод электротехнических сооружений, Дюфлон, петроградский механический завод и другие [1].

Стачечная борьба русского рабочего класса, даже за улучшение его экономического положения, в обстановке мировой войны, т. е. междоусобного истребления рабочих и крестьян разных рас и национальностей в защиту интересов своих капиталистов и помещиков, являлась по существу своему действенным протестом против войны, борьбой против капиталистической системы, породившей войну.

Стачечная борьба русских рабочих рвала шовинистический кордон, которым господствующие классы при помощи вождей международной социал-демократии отделили друг от друга пролетариев воюющих стран.

Массовые стачки русских рабочих эпохи мировой войны являлись преддверием пролетарской революции — первым шагом к войне гражданской, к уничтожению (а не поддержке) „собственных" капиталистов и помещиков. „Русский рабочий класс остался единственным классом [2], которому не удалось привить заразы шовинизма", — резюмировал Ленин позицию рабочего класса в России во время войны.

---

[1] Флеер, „ПК большевиков во время войны".

[2] Зиновьев и Ленин, „Социализм и война".

Положение руководивших стачечным движением кадров было исключительно трудным.

Закрытие границы и блокада ослабили центральное партийное руководство и изолировали рабочие массы от руководящих центров—эмиграции. Особенно полною была изоляция для „пораженцев", т. е. фактически для Ленина и ленинцев, находившихся под особо бдительным надзором русского правительства. Удары правительства направлялись главным образом на пораженцев-большевиков, фигурировавших в правительственном лексиконе как „агенты германского штаба", „немецкие шпионы", „эмиссары врагов России" и пр. Руководство массовым революционным движением и партийная работа, в особенности в первый период войны, легли на первичные партийные организации — заводские ячейки, т. е. на плечи самих рабочих-партийцев. Вести нелегальную партийную работу в таких условиях было делом чрезвычайно трудным и рискованным. Многие отстали.

„Партийная интеллигенция, — рассказывает Кондратьев („Красная летопись", № 7, 1929 г.), — уцелевшая после разгрома „Правды" и во время войны группировавшаяся вокруг журнала „Вопросы страхования", как-то сама по себе отошла от работы, так сказать, забилась в свою собственную скорлупу и не хотела особенно связывать себя работой, которая сопряжена была с риском. Мы выбивались из сил, варились в собственном соку без денег, не имели под руками достаточно подготовленного товарища, который мог бы нам написать тот или иной листок. Бегали по квартирам и гонялись за каждым литератором, чтобы только во-время выпустить. Подчас найдешь и литератора, который „писнет", но это писание было с душком и не отвечало требованиям исполнительной комиссии. Все это страшно затрудняло и усложняло работу, отнимало лишнее время, упускался момент, и вся работа подчас была безрезультатной".

Предоставленные самим себе, рабочие действовали по своему политическому разумению и классовому чутью. „Легальными возможностями“ питерских рабочих являлись больничные кассы, кое-где — потребиловки, да худосочные советы фабрично-заводских старост, „дарованные“ правительством в конце 1915 г. Профессиональные организации и рабочие просветительные общества правительством были наглухо закрыты.

* * *

Петербургская организация большевиков еще до войны была ослаблена разгромами весны и лета 1914 г. Разгром „Правды“, последовавшие вместе с объявлением войны мобилизации активных партийных работников, изоляция от заграничного ленинского руководства, разгром ПК и арест Ленина австрийскими властями, арест легальной большевистской организации — думской пятерки (4 ноября 1914 г.) еще более ослабили организацию.

Такая обстановка не давала возможности партийным организациям — Петербургскому комитету и районным комитетам — систематически и правильно осуществлять классовое воспитание и организовать массы. Не могло быть и сколько-нибудь правильных выборов в руководящие партийные органы. Петербургский комитет формировался, так сказать, „самотеком“ — из отдельных активных товарищей, старых партийцев, возвратившихся или бежавших из ссылки и т. д. Часто ПК работал независимо от районов, утеряв связь с ними. В некоторые периоды ПК совсем не существовало, и его функции исполняли работники районов, по преимуществу Выборгского. После 2-3 месяцев жизни комитет подвергался очередному разгрому. Охранники и провокаторы спешили писать начальству доклады, что, „благодаря последовательным и систематическим ликвидациям наиболее активных

партийных работников", Петербургскому комитету большевистской организации крышка — деятельность его совершенно прекратилась. Но донесения шпиков не учитывали действенного сочувствия рабочих масс большевистской работе. Возникал новый ПК и начиналось восстановление связей с районами и между районами, налаживание выпуска листовок, собирание рассеянных арестами людей. Ликвидировать петербургскую организацию большевиков было невозможно, так как по существу она организовала передовые кадры питерского пролетариата.

В таком положении руководящие партийные органы находились до самой Февральской революции.

Более или менее твердо существовали лишь заводские партийные ячейки. Но и на этих первичных партийных организациях, глубоко внедренных в фабрики и заводы, сказались тяжелые условия, в которых очутилась партия в целом. Быть большевиком, т. е. пораженцем, и проводить партийную работу во время войны было делом чрезвычайно рискованным. Это обстоятельство, хотя и способствовало качественному отбору партийных кадров, но делало их чрезвычайно малочисленными. По исчислениям тов. Гаврилова [1], партколлектив одного из крупнейших заводов Выборской стороны — меднопрокатного завода Розенкранц („Красный выборжец") — во время войны состоял из 6 человек. По данным тт. Ефимова и Виноградова [2], коллектив Металлического завода составляли 12 человек (вместе с работниками больничной кассы); коллектив завода Эриксона („Красная заря") — 10 - 12 человек, на заводе Старый Леснер (ныне „Торпеда") — около 10 чел. Общегородская партийная конференция в Ораниенбауме 9 июля 1915 г. состояла из 50 членов партии, при представительстве один от десяти. Таким

1 „Красная летопись", № 2 (23), 1927 г.
2 То же, № 3, 1926 г.

образом в Петербурге к этому моменту не все рабочие партийцы были достаточно крепко связаны с организацией.

Но при малочисленности заводских организаций, а стало быть и все еще слабом *организационном* охвате масс, радиус распространения и влияния большевистских *идей и лозунгов* был чрезвычайно велик. Эти ножницы между количеством и качеством — отражение свойств пролетариата царской России, опередившего по удельному революционному весу свой количественный рост—имели свои корни в неразрывности и неотделимости РСДРП(б) от рабочего движения задолго до военных лет. Если в отношении эсэров и меньшевиков было применимо выражение „партия и класс“, то оно было неприложимо к большевикам. Партия большевиков являлась передовым, активным куском той же рабочей массы, ее авангардом, и настроения класса, его чаяния и стремления тотчас претворялись партией в осмысленную классовую и политическую борьбу. По этой же причине партию, в частности петербургских большевиков, несмотря на изоляцию от ленинского руководства, не могли сбить с толку ни оборонческие теории, даже поддержанные признанными вождями и идеологами рабочего класса (Плеханов и др.), ни массовый шовинизм международной социал-демократии. Теории „освободительных войн“, „революционного оборончества“, чужеродные классовой природе рабочих, не могли привиться и в партии.

Большевистскими заводскими организациями руководили квалифицированные рабочие. Основной базой и средой, откуда черпались рядовые большевистской армии, были массы менее квалифицированных рабочих, наиболее угнетенные и эксплоатируемые капиталистической системой, и горячая, быстрая на действия заводская молодежь. Из глубин рабочих масс беспрерывным потоком шли сочувствие и поддержка большевистской работе.

Только этим объясняется, что Петербургский комитет и районные организации, при слабости партийного аппарата, при малочисленности и разбитости кадровых партийцев военного времени, при наличии провокаторов внутри организации и несмотря на систематические обыски, аресты и ссылки работников [1], мог проявлять необыкновенную живучесть и энергию. Поддержка масс особенно показательна на примере с техникой военного периода. От начала войны до февраля 1917 г. ПК организовал в Петрограде 19 „техник“, [2] выпустил 87 различных изданий, из них более 300.000 прокламаций [3], являвшихся могучим орудием развития классового сознания масс и борьбы с самодержавием. Рядовые рабочие, формально беспартийные, зная только, что это „нужно для партии“, с риском для себя изготовляли: металлисты — валики и рамы, деревообделочники — верстаки, наборные кассы, печатники „похищали“ шрифт, приказчики снабжали бумагой, гектографическими лентами. Часто квартиры рядовых рабочих являлись и местом для печатания нелегальщины.

Большевистское влияние на массы эпохи войны, при систематических разгромах руководства царским правительством, и осознание русскими рабочими массами империалистической природы войны, на участие в которой „благословили“ пролетариев своих стран большинство вождей мировых социалистических партий, были подготовлены ленинским руководством рабочего движения, целеустремленным, не сбивавшимся с своего пути в продолжение двадцати лет. Они были подготовлены колоссальной работой большевистской прессы трех предшествовавших войне лет (1911—1914).

---

[1] По далеко не полным материалам, собранным тов. Флеером („ПК в годы войны“), с августа 1914 г. по декабрь 1916 г. было произведено 16 групповых арестов партработников, всего 292 чел.

[2] „Техника“—подпольная типография.

[3] Флеер, „ПК большевиков в годы войны“.

„Правда“ классово и интернационально воспитала огромные массы пролетариев и создала кадры закаленных, целеустремленных партийцев-большевиков эпохи „Звезды“ и „Правды“. „Правда“, как массовый в подлинном смысле организатор и агитатор, шла в ногу со всеми видами рабочего движения своей эпохи — стачечным, профессиональным, являлась единственным легальным большевистским агитатором при выборах в Государственную думу, освещая работу фракции, замалчивавшуюся буржуазной прессой.

В то время как легальная меньшевистская печать сглаживала острые углы классовой борьбы, „Правда“ ставила вопросы борьбы с капиталом и самодержавием с максимально-возможной для свирепо преследуемой рабочей печати ясностью и прямотой.

Такая постановка вопросов находила отзвук в умах и сердцах широчайших рабочих масс, измученных бесправием и капиталистической эксплоатацией. „Правда“ существовала на рабочие средства. Рабочие отдавали на нее свои гроши. В 1913 г. на „Правду“ поступило 2.180 групповых взносов, а всего за четыре месяца следующего года—2.873 взноса[1].

Только бурный рост предвоенного рабочего движения удержал правительство от разгрома большевистской рабочей печати тотчас по выявлении ее роли и значения в рабочем движении. „Правда“ и думская фракция в предвоенные годы являлись главнейшими „постами управления“, посредством которых заграничный ЦК, с Лениным во главе, осуществлял руководство рабочим движением. „Правдист“ и „большевик“ были в то время синонимами. Эпоха „Звезды“ и „Правды“ — эпоха подъема рабочего движения 1912—14 гг. — выработала и закалила рабочих — деятелей Февраля и Октября.

---

[1] Бадаев, „Большевики в Государственной думе“, стр. 290.

„Правдистские газеты создали единство четырех пятых сознательных рабочих России, — писал В. И. Ленин[1],—40.000 рабочих покупали „Правду“, много больше читали ее. Пусть даже впятеро, вдесятеро разобьют их война, тюрьма, Сибирь, каторга. Уничтожить этого слоя нельзя. Он жив. Он проникнут революционностью и антишовинизмом. Он один стоит среди народных масс в самой глубине их, как проповедник интернационализма трудящихся, эксплоатируемых, угнетенных. Он один устоял в общем развале“.

Именно пропитанные ленинским интернационализмом, а стало быть и антишовинизмом, рабочие, составлявшие большевистское руководство питерскими пролетарскими массами, в начале войны (в конце июля 1914 г.), когда пролетарии высоко развитых индустриальных стран, побуждаемые своими вождями, ощетинились друг на друга штыками, упорно твердили питерским рабочим, а через их головы пролетариям всего мира:

„Рабочие должны помнить, что у них нет врагов по ту сторону границы, что война за „цивилизацию“ есть в действительности жадная конкуренция капиталистов, политика насилия и захвата“. ПК впервые в этой прокламации[2] бросил лозунги „война—войне“ и „долой войну“, ставшие впоследствии лозунгами миллионных народных масс.

И когда в сентябре 1914 г. член государственной думы Ф. Н. Самойлов привез в Петроград знаменитые тезисы Ленина о войне и позже, в ноябре, была получена декларация ПК „Война и российская социал-демократия“, напечатанная в № 33 „Социал-демократа“, с определенной установкой на „превращение современной империалистической войны в гражданскую войну“, питерским рабочим не пришлось краснеть за свою

---

[1] Собр. соч., т. XIII, стр. 57.
[2] Флеер, „ПК в годы войны“, приложение 1.

военную позицию. Формулировки отношения к войне, антивоенные лозунги ПК в основном и главном совпали с тезисами Ленина и установками ЦК.

Наиболее квалифицированные группы рабочих на заводах — „рабочая аристократия“, с высокими заработками и твердым положением — тяготели или принадлежали к меньшевикам-ликвидаторам. Меньшевики совращали массы в легализм. Легальные организации рабочего класса, вырванные у правительства и капиталистов бурным ростом рабочего движения: больничные кассы, потребиловки и советы старост рассматривались меньшевиками не как „легальные возможности“, т. е. не как средство к дальнейшему революционизированию рабочего класса, а как базы дальнейшей ликвидации подпольной работы и подпольных организаций, как возможности дальнейшей легализации рабочего движения. Оборончество меньшевиков, контакт с врагами рабочего класса — капиталистами и буржуазией — ограничивали их партийно-организационные возможности (внутризаводские) и идейное влияние на массы даже при известном попустительстве к работе оборонцев-меньшевиков со стороны правительства. Несмотря на свое полулегальное положение, заводские ячейки меньшевиков количественно не были сильнее большевистских. Уровень общего развития среди рабочих-меньшевиков был сравнительно высоким. Многие знали, что, когда и по какому поводу сказал Маркс. Но не знали, что марксизм есть руководство к действию. Меньшевики в большинстве своем не были волевыми людьми революционного дела, а лишь приверженцами звучного слова. Меньшевики-рабочие успели вобрать в себя специфические черты своей интеллигенции—резонерство, схоластику. Вместо активности—растекались в словах и понятиях, вместо действенного решения вопроса старались дать его тонкий анализ. Они были лишены необходимой в классовой борьбе ненависти к буржуазии, будучи сами

„буржуа среди рабочего движения“ (Ленин). Но легальные организации рабочих — больничные кассы, потребиловки (вроде крупнейшего „Потребительского о-ва рабочих и служащих Выборгской стороны“ и рабочего кооператива „Кузнец“), требовавшие предварительной легальной работы—открытых выборов, открытого выставления партийных кандидатур, в большей своей части находились в руках меньшевиков. В частности развитие рабочей кооперации, заводских потребительских лавок меньшевики выдвигали как одно из основных средств борьбы с растущей дороговизной, вместо свержения самодержавия и немедленного прекращения войны, выдвигаемых большевиками и частью эсэров.

Почти единственной легальной организацией, сохранившей большевистское руководство, несмотря на все „изъятия“ работников, была рабочая группа страхового совета (Всероссийское объединение больничных касс).

Ликвидаторы топили в словесном море резонерства революционные порывы пролетариата. Едва только возникала на том или ином заводе необходимость действий, назревала забастовка, требование повышения расценок, необходимость одернуть зарвавшегося цербера капитала или просто отстоять отдельного обиженного товарища, тотчас меньшевики выдвигают свою систему „точек зрения“, недурно построенную аргументацию пассивности, обязательно подкрепленную авторитетом Г. В. Плеханова: „момент выгоден капиталистам, а не рабочим“. „Необходимо беречь силы для крупных боев“. „Не стоит бастовать — завод все равно скоро остановится из-за отсутствия топлива“. Или: „Созвать митинг, вынести резолюцию протеста и передать ее как материал для запросов Думы“. Одним словом, во всех случаях необходимости борьбы выходило— то борьба невозможна, то неуместна, то несвоевременна. Вместо тактики прямых действий меньшевики

кастрировали революционность и активность масс, превращая рабочих в пассивных зрителей, отнимая инициативу, приучая на кого-то надеяться в то время, когда классовый враг орудовал активно.

Среди рабочих-меньшевиков было немало искренно убежденных в том, что они, меньшевики, и есть революционные марксисты и что их работа есть реальная работа на революцию и социализм в отличие от работы утопистов-большевиков. Но, как известно еще с давних времен, политическая этикетка отличается от обыкновенной только тем, что она обманывает не только других, но и самого владельца (Маркс).

Прототипом будущей, после-февральской коалиции с буржуазией являлась в то время меньшевистско-эсэровская тактика неписанных соглашений с заводоуправлениями. Эти соглашения обязывали заводоуправления к различным второстепенным уступкам требованиям рабочих. Передать, например, фактическое руководство делами больничной кассы выборному от рабочих—товарищу председателя кассы (председателем по страховому закону мог быть только представитель заводоуправления—„назначенец"), отпустить средства и предоставить помещение для заводской потребительской лавки, выручить какого-нибудь отдельного рабочего, попавшего к воинскому начальнику для отправки на фронт, и т. д.

Заводоуправления предполагали такой системой второстепенных уступок застраховать себя от главного — забастовок и революционных взрывов. Там, где таких соглашений не было, т. е. там, где преобладало большевистское влияние, легче было организовать забастовку, выступить на улицу, вывезти на тачке мастера и т. д.

Одним из орудий борьбы с забастовочным движением для меньшевиков служил также и Военно-промышленный комитет. Меньшевики добивались на рабочих собраниях передачи вопросов о забастовках на

санкцию и разрешение рабочей группы Военно-промышленного комитета [1], который, разумеется, таких „санкций“ давать не мог.

Завершенным выражением дореволюционного соглашательства меньшевиков являлась коалиция с крупной буржуазией в военно-промышленных комитетах—прототип будущего буржуазного правительства с правительственными социалистами в нем типа Гендерсона и др.—коалиция, окончательно оторвавшая меньшевистскую рабочую аристократию от рабочих низов. Отрыв этот становится особенно понятным в свете оценки буржуазией деятельности рабочей группы Военно-промышленного комитета. Так, председатель думы Родзянко во всеподданнейшем докладе от 10 февраля 1917 г. по случаю ареста рабочей группы жаловался царю:

„В то время когда посредством рабочих депутатов в военных-промышленных комитетах удается сдерживать на фабриках и заводах, работающих на дело обороны, волнения, Протопопов опубликовывает правительственное сообщение, которым опорачивает их деятельность, весьма полезную“ [2].

Правительственная агентура, подытоживая настроения тогдашних политических партий, формулирует позицию меньшевиков следующим образом:

„... Ликвидаторы, объединяя умеренные, по преимуществу интеллигентные слои социал-демократов и основывая свою тактику на действиях по линии наименьшего сопротивления, считают текущий момент неподходящим для каких бы то ни было резких выступлений и боевую тактику ленинцев признают крайне вредной. Война заставила ликвидаторов занять выжидательную позицию и начать совершенно уклоняться от каких-либо демонстративных выступлений, откладывая до

---

[1] Например, на Металлическом заводе в 1916 г.

[2] Блок, „Последние дни императорской власти“.

окончания войны возобновление своей активной революционной работы“ [1].

Осведомитель охранки (очевидно, кто-нибудь из рабочих-провокаторов), нужно отдать ему справедливость, правильно формулировал положение.

Эклектическое эсэрство вбирало в себя и разнообразный состав рабочих: и не порвавших связи с земельной собственностью, и выходцев из городских мещанских слоев, и кадровых рабочих, еще не освободившихся от революционного обаяния террористического периода партии эсэров. Было среди эсэров немало рабочих — хороших революционеров, но без развитого марксистского понимания классовой борьбы, для которых царизм олицетворялся лишь министрами, жандармами и шпиками, а не его классовой базой — капиталистами-помещиками и кулацкой деревней. Недостаточная численность пролетариата России, недостаточная осознанность им своих классовых интересов — результат затянувшегося политического владычества дворянско-феодальной монархии, — создавали на заводах и фабриках базу для партии эсэров. Эсэры являлись революционерами данного отрезка времени — эпохи усиливающегося значения капитализма и развертывания рабочего движения в России. И перестали быть революционерами на другой день после падения самодержавия.

Помещичье-феодальная сущность царизма, его полицейская политика вызывала революционные настроения в различных классово-чуждых друг другу слоях населения страны. Партия эсэров стремилась революционную энергию и оппозиционные настроения этого социального винегрета слить в своем лице воедино и обратить против самодержавия. По построению эсэровская партия была телегой, в которую впряжены „и конь

[1] Историко-революционный Архив, д. 3, л. А, № 11 452 („Пролетарская революция“ 1929 г., № 13).

и трепетная лань“. В ней находили место и индустриальные рабочие, и „трудовое крестьянство“, и „трудовая интеллигенция“ — каждая категория со своими классовыми интересами. Эсэры в этом конгломерате не отводили даже пролетариату ведущей роли, которая принадлежит ему согласно аксиоме революционного марксизма, а выдвигали на первый план классово-расплывчатую категорию „трудового крестьянства“.

Свержение самодержавия и Октябрь явились концом исторического бытия партии эсэров. Гигантская тень глиняного колосса—царизма—перестала застилать для классов бывшей России, являвшихся попутчиками пролетариата в политической борьбе, свои собственные классовые интересы. Крупная и мелкая буржуазия резко-классово столкнулась с пролетариатом. Начался интенсивный процесс расслоения, разрушивший единство партии эсэров, разделив их на правых и левых.

Вышла из подполья партия революционного пролетариата—партия большевиков, сплотившая вокруг себя рабочий класс России, и эсэры еще до Октябрьской революции уже остались без рабочих; Октябрь расслоил эсэровское туманное „трудовое крестьянство“ на реальные классы, враждебные друг другу: бедняцко-середняцкий и кулацкий, оставив эсэров и без крестьян. Октябрь преобразил „трудовую интеллигенцию“. Ее демократическая часть пошла на службу к классу-завоевателю — пролетариату, чуждая и враждебная перешла в стан злобствующих врагов рабочего класса. И те и другие перестали существовать как отдельная классовая категория в эсэровском понимании.

Во всяком случае эсэры в стенах питерских заводов и фабрик были самыми неорганизованными и уже абсолютно не имели никакого партийного руководства и нужного им влияния. Партийная связь между рабочими отдельных заводов была выражена чрезвычайно слабо. Поэтому рабочие-эсэры действовали в каждом случае за свой страх и риск. В одном месте они

контактировали с большевиками, в другом—с меньшевиками, уступая тем и другим в определенности тактической линии, и поэтому сплошь и рядом растворялись то в тех, то в других. Только наглядные уроки послеоктябрьской классовой борьбы превратили рабочих-эсэров в пролетарских революционеров, втянули большую часть из них в естественное русло—в партию большевиков.

В глубинных слоях рабочего класса, частью даже и у рабочих-партийцев, до войны не было ясного сознания, что борьба большевиков с эсэро-меньшевиками есть борьба двух идеологий, двух различных классов. Рабочей массой эта борьба воспринималась как внутрипартийная: и большевики, и эсэры, и меньшевики (тем более, если это были рабочие)—социалисты, различными путями идущие к общей цели—социализму. Но вместе с тем „маршрут пути", повседневная тактика классовой борьбы большевиков были понятнее, ближе рабочим массам.

Только расхождение по самому жгучему вопросу—по вопросу о войне—окончательно и резко размежевало на две неравные части передовой слой питерских рабочих и определило отношение широких рабочих масс к тем и другим. Большевики проводили в массы лозунги Циммервальда, отвечавшие стремлениям и настроениям пролетариата, армии, бедняцкого и середняцкого крестьянства, замученных войной и помещичье-капиталистическим гнетом. Большевистская агитация вскрывала империалистическую подоплеку войны, направляла мысль и действия питерских рабочих масс в сторону ликвидации ее. Выбрасывая лозунг „война войне", большевики внедряли в сознание рабочих, крестьян и армии, что враги рабочего народа находятся в их собственной стране.

Меньшевики-оборонцы объективно являлись проводниками в рабочие массы лозунгов и директив левого фланга промышленной буржуазии—Коноваловых,

Терещенко, Рябушинских, своих союзников по Военно-промышленному комитету. Меньшевистская политика и тактика вели к превращению войны, начатой царским правительством, в войну „европейских демократий“ против „немецкого милитаризма“, в „революционную войну“, в „революционное оборончество“, т. е. меньшевики объективно занимали позицию, диаметрально противоположную большевистской, работали на усиление войны, на усиление удельного политического веса буржуазии.

Тактикой поддержки войны и коалицией с буржуазией меньшевики обнаружили свое классовое лицо, ставшее понятным широким рабочим массам, и погубили свой авторитет среди питерских рабочих еще задолго до Октябрьской революции.

Значительную—не только в революционном отношении, но и по удельному весу—роль в жизни питерских заводов играла молодежь. В 1914 г. в петроградской промышленностн подростки составляли 9 процентов всего количества рабочих, в 1915 г.—9,5 процента[1]. Причины, обусловившие рост труда молодежи за эти годы—недостача рабочих рук и разорение деревни—имелись налицо и в еще большей степени в 1916 г. Поэтому число подростков, занятых в петроградской промышленности, неуклонно росло до февраля 1917 г., после которого капиталисты стали свертывать и ликвидировать свои предприятия. Особенно росло число подростков на крупных предприятиях. На Путиловском, Балтийском, „Треугольнике“, Старом Леснере и Трубочном работало 25 процентов всех рабочих подростков Петрограда[2]. Если принять во внимание существовавший обычай прибавлять мальчикам года, чтобы им легче было поступить на

[1] По данным отчета фабричных инспекторов и отдела промышленности министерства торговли и промышленности. „Юный коммунист“, № 5, 1929 г.

[2] Там же.

предприятие, общее число подростков в питерской промышленности эпохи 1914—17 гг. следует принять примерно в 45—50 тысяч человек.

До войны и во время войны отдельных пролетарских организаций молодежи не существовало. Широкое массовое движение рабочей молодежи в России началось лишь после Февральской революции.

В предвоенные годы и в годы войны задача воспитания подрастающего поколения, специальная подготовка кадров активных работников, которые могли бы притти на смену выбывающим из строя борцам пролетарской армии, не стояла в порядке дня ни одной из партий рабочего класса. Ударность поставленной пролетариатом задачи—свержения самодержавия—требовала собирания всего сознательного, всего активного в рабочем классе в единый кулак. Фабрично-заводская молодежь являлась активнейшей группой в рабочем классе и вовлекалась в непосредственную борьбу без предварительной подготовки. В рабочей массе существовало известное предубеждение против обособленности борьбы какой-либо из групп рабочего класса (женщин, подростков, неквалифицированных рабочих) за свои экономические интересы. Борьба за улучшение экономического положения молодежи рассматривалась как одно из слагаемых всей суммы борьбы рабочего класса против капиталистической эксплоатации и политического гнета самодержавия. Поэтому рабочая масса и ее застрельщики—передовые кадры — не вели отдельной борьбы за молодежь, а в пролетарских войнах с капиталом—забастовках—взрослые рабочие дрались вместе с молодежью за общие требования рабочей массы данного завода.

В отсталых слоях рабочих масс, даже питерских, существовали еще и домостроевские предрассудки—взгляд на подростка как на получеловека, который не имеет права на самостоятельность и может жить только по указке старших. Сознательные рабочие вели

в то же время борьбу с проявлениями мелкобуржуазных настроений среди молодежи, пришедшей в промышленность из деревни.

Молодежь росла и воспитывалась „самотеком“, так сказать, методом наглядных уроков. Этими уроками были непрекращавшаяся ни на один день классовая борьба в стенах фабрик и заводов (если на данный день не было борьбы непосредственно с хозяином-капиталистом, не было забастовки, то была борьба с его агентурой—мастерами) и солидарность рабочих в этой борьбе. Кроме того, рабочий молодняк испытывал и на себе давление капиталистического пресса не в меньшей (если не в большей) степени, чем взрослый рабочий. Кроме нищенской зарплаты, даже по сравнению с низкой оплатой рабочих вообще, при растущей дороговизне эпохи империалистической войны, для подростков не существовало и укороченного рабочего дня, и они работали в грязи и спертом воздухе завода наравне со взрослыми десять часов, а там, где практиковались сверхурочные, и четырнадцать - пятнадцать часов. На ряду со взрослыми они томились и во вторых и третьих сменах. Достаточно было одного этого, чтобы „мальчики“ вырастали в пролетарских революционеров. Этими особенностями своего бытия рабочая молодежь отличалась от ученической молодежи, имевшей свои специальные ученические организации, но зато лишенной революционной закалки завода. Для ученической молодежи революционные настроения являлись в большинстве случаев данью молодому энтузиазму, постепенно затухающему.

В правовом отношении заводская молодежь находилась в условиях еще худших. В легальные организации рабочих — в больничные кассы, страховые советы, советы старост, правления потребительских обществ—молодежь доступа не имела, ибо все правительственные законы, на основе которых действовали эти органы, и уставы рабочих обществ, утверждаемые прави-

тельством, всегда содержали в себе сакраментальную оговорку: „лица, не достигшие двадцати одного года, не могут участвовать, не имеют права...“ и т. д.

Таким образом политический и капиталистический гнет толкал молодежь на борьбу наравне со взрослыми, а примеры взрослых указывали методы и пути борьбы.

Разбросать прокламации, объявить по мастерским о забастовке, созвать после шабаша рабочее собрание, запереть ворота, не дать проскользнуть домой шибко „домовитым“ рабочим, загородить от шпиков оратора, стоять „на стреме“, чтобы предупредить собрание о появлении полиции, вызванной по телефону заводоуправлением, охранять от налета мастера минутное летучее совещание партийцев-рабочих где-нибудь в коридоре или на лестнице завода, агитировать у избирательных ящиков при каких-нибудь заводских выборах—таков далеко не полный перечень революционных приемов молодежи. И кто мог сделать это лучше молодежи? Молодежь безоглядочна, бескорыстна и переполнена энергией. События заводской жизни—забастовки, выступления на улицу и т. д.—являлись для молодежи истинным праздником. То, на что взрослый рабочий шел с оглядкой (жена, дети...), молодежь делала, часто не задумываясь о последствиях.

Большевики для обслуживания рабочего движения группировали вокруг себя молодежь. Да она и по самому свойству своей действенной натуры тяготела к самой действенной из всех существовавщих в стенах питерских заводов партий—к большевикам. Стимулы, толкавшие известные слои рабочих к эсэрам и меньшевикам, были ей чужды. Громов эсэровского террора рабочий молодняк эпохи империалистической войны не слышал. В сознании молодежи не находили места отзвуки мелкобуржуазных, собственнических тяготений их крестьян-родителей. Народнический романтизм был чужд детям рабочих окраин, рано познававшим жизнь такой, какова она есть, а колеблющаяся эсэров-

ская тактика не давала плацдарма для действий молодежи.

К меньшевикам молодежь не могла тяготеть вследствие основного порока их тактики—революционной пассивности. Легальная область меньшевистской работы—больничные кассы, потребиловки и пр. не могли удовлетворить горячую молодежь, да, как сказано выше, и доступа она туда не имела. Меньшевистская тактика в сознании молодняка была „тактикой“ того парня, которого колотят и в хвост и в гриву, а он только твердит: „Тронь, тронь—драка будет“. Молодежь же рвалась „в драку“ не только когда ее „трогали“, но и тогда, когда ее только предполагали тронуть.

Кое-где по заводам (например, на заводе Эриксона) во время войны меньшевики имели немногочисленные, человек по пяти-семи, кружки молодежи — парней лет семнадцати-восемнадцати, с которыми занимались интеллигенты со стороны или работники больничных касс, редко кто-нибудь из развитых заводских рабочих-меньшевиков. Но когда наступало какое-нибудь событие в жизни завода — забастовка, выступление на улицу—меньшевистски-„образованная“ молодежь одинаково с „необразованной“ самозабвенно носилась по заводу, не обращая внимания на то, что их учителя против „данного эксцесса“.

* * *

Тяготы войны, поражения на фронтах, свирепая эксплоатация рабочих масс сильнейшим образом обостряли классовые противоречия и классовую борьбу. „Война за три года протащила нас вперед лет на тридцать“,— говорил Ленин (т. XIV, ч. 2, стр. 81). Колоссальная трата производственных сил на войну обескровливала народно-хозяйственный организм страны. Каждый день войны стоил:

в 1914 г. . . . 8 млн. золотых рублей
„ 1915—16 гг. 31 „ „ „
„ 1917 г.[1] . . 50 „ „ „

Одних пленных и дезертиров за 1915—16 гг. насчитывалось 3,5 млн. („Белые мемуары“ Родзянко). Осенний призыв в армию 1916 г. захватывал уже 13-й миллион землеробов, доводя крестьянские хозяйства до последнего предела обнищания. Положение рабочих масс города тоже катастрофически ухудшалось. С рабочего драли две шкуры: насос капиталистической эксплоатации беспощадно выкачивал из него „прибавочную стоимость“, а так как пролетарии боролись против положения овцы, с которой стригут шерсть, на них обрушивался весь арсенал репрессий полицейского режима. Эти факторы делали свое революционизирующее дело, открывая глаза многомиллионным массам рабочих и крестьян на сущность войны как на истребление народных масс во имя конкурирующих между собою капиталистов.

Неширокие и неглубокие оборонческие настроения, имевшие место в рабочей среде в начале войны, стремительно испарялись. К февральской революции оборонческих настроений и оборонцев среди рабочих Питера было ничтожно мало. Едва ли они целиком не исчерпывались рабочей группой, приютившейся около Военно-промышленного комитета.

Усилившаяся в конце 1916 г. нехватка продовольствия к февралю превратилась в голод. Хвосты очередей все удлинялись и удлинялись. Жёны и дети рабочих стали приходить в очереди со своими стульями. В очередях сидели, лежали и даже спали целые ночи. Продовольственные очереди являлись лабораториями чудовищных слухов. Очереди использовались и для черносотенной погромной агитации. Погромных дел мастером на Выборгской стороне считался горбун-при-

[1] Хрестоматия классовой борьбы в России, стр. 434.

став участка на Сампсониевском граф Татищев. В 1916 г. были уже неоднократные случаи разгрома озлобленными и измученными очередями булочных. Первой разгромили булочную Кошкина на Безбородкинском проспекте[1].

Рабочие стали являться на работу без обычных самодельных котелков с пищей, не всегда приносились и узелки с хлебом. Заговорили языком революции даже самые отсталые слои рабочих. Зароптал и наиболее консервативный заводский элемент — женщины, которые особенно ощутительно испытывали на себе тяжесть положения. Холодные плиты, голодные дети в их сознании переросли из бытового явления в политическую задачу — свержение самодержавия. Резкое повышение зарплаты, начавшееся с 1915 г., и беспрерывный ее рост перестали служить маслом для умиротворения бурного потока рабочего движения, хо я на то и надеялись капиталисты-акционеры, владельцы фабрик и заводов. Повышение цен на продукты питания и предметы первой необход мости, общее падение покупной стоимости денег сводило на-нет рост зарплаты.

В обеденные перерывы рабочие, сидя на верстаках за тощим обедом, а то и совсем без него, давали волю накопившемуся негодованию. В этот же час тротуары у заводов запружались рабочими: домой перестали ходить—обеда нет, жены, дети, квартирные хозяйки рыскают по очередям. Стало потребностью потолкаться, излить среди своих душу, полную негодования и протеста. Тротуары являлись клубами и местом митингов. Монополия буржуазной прессы и отсутствие в продолжение ряда военных лет легальной рабочей печати не оставались без влияния: „Копейка“, „Современки“ и „Биржевки“ засаривали в известной степени рабочие

[1] В Петрограде в 1915 г. и за первые пять месяцев 1916 г. министерством внутренних дел зарегистрировано свыше 400 массовых продовольственных выступлений городской бедноты.

головы. Слухи о дворцовых переворотах, распутинщина, министерская чехарда, выступления думских ораторов обсуждались не менее горячо и страстно, чем свои классовые события и вопросы. Многочисленные кучки окружали „доморощенных“ ораторов, „крывших“ войну, капиталистов и правительство, не стесняясь многочисленных шпиков, тершихся в толпе. Случалось, что особенно наглым „гороховым пальто“ (шпикам) попадало и по загривку на глазах равнодушных городовых.

Раскол среди передовых слоев рабочих по вопросу о войне и условия работы военного времени (обращение рабочих в военнообязанных, изменение состава кадров и пр.) препятствовали быстрой реализации протеста и озлобления масс в забастовки и уличные демонстрации, мешали планомерности и организованности забастовок. Забастовочную работу во время войны проводили пораженцы-большевики. Кроме трудностей военного времени, большевикам приходилось преодолевать активное противодействие своих антагонистов—меньшевиков. На телефонной фабрике Эриксона, например, в 1916 г. из-за забастовки в годовщину ленского расстрела между рабочими произошло побоище. Были пущены в ход болты, гайки, резцы—весь арсенал имеющегося в мастерской „оружия“. На Выборгской стороне, на том же Эриксоне, Леснере, Айвазе, Парвиайнене и других после шабаша, при выходе с заводов, устраивались летучие собрания, которые обычно продолжались столько времени, сколько нужно для прибытия конных городовых из ближайшего участка по телефонному вызову заводоуправления. На этих летучках, где каждая минута дорога, против призыва оратора-большевика к забастовке обязательно выступал оратор-меньшевик, реже эсэр, с типовыми аргументами: „Уменьшение выработки военных припасов лишает наших возможности обороняться на фронте от немцев, которые хорошо вооружены“; „Немцы не бастуют против своего кайзера“ и т. д. Такие аргументы ока-

зывали свое действие, и призыв к забастовке очень часто повисал в воздухе.

Несмотря на обилие карательных мер в распоряжении заводоуправлений, дисциплина и власть мастеров таяли на глазах. Еще в 1915 г. обстановка в мастерских была такая: стоит кучка народу около станка, горна, точила; проходит мастер; кто ломает шапку, кто хватается за ручку супорта, кто начинает внимательно разглядывать находящийся в руках резец, сверло, зубило (для такого случая они и захватывались) и без всякого замечания мастера — „о совести"—расходятся по своим местам. В 1916 г. картина резко меняется. Работа идет через пень в колоду; точность в работе квалифицированных рабочих сильно понизилась; мастера ослабили строгости: при приемке работ стали сквозь пальцы смотреть на допуски в десятые миллиметра, с меньшей ретивостью стали прижимать при установлении расценок. Рабочим, в особенности передовым, инженеры и мастера чаще стали подавать руку. В конторах заводоуправлений служащие, понижая голос, с оглядкой, чаще стали расспрашивать рабочих: „Как настроение?", „Что думаете делать? Без всякого уже стеснения рабочие собираются у станков и верстаков передовых рабочих, не маскируя своего безделья. На мастеров не обращают никакого внимания, расходятся нехотя, озлобленно, только после окриков и угроз. А к концу 1916 г. в обеденные перерывы рабочая молодежь, готовясь к предстоящим боям, почти открыто тянула на наковальнях из обломков резцов, кусков инструментальной стали и т. п. подобия штыков и кинжалов.

К концу 1916 г. в стенах петроградских фабрик и заводов всеми владело одно сознание: терпению приходит конец. Наступает момент перехода от тактики обороны протестов-забастовок и демонстраций к открытому властному выступлению рабочего класса. Лозунги „долой войну", „долой самодержавие" должны быть реализованы в хлеб и мир.

Вместе с тем в массах больше чем когда-либо назревала необходимость разобраться в политическом нагромождении: кто друг, кто враг, на кого конкретно направить удары? Перечень политических органов, призванных заменить самодержавие после его падения: временное революционное правительство, учредительное собрание, демократическая республика из отвлеченных понятий превращался в реальные представления и требовал детализации.

Такие настроения, естественно, выдвигали вперед рабочих-партийцев, и их авторитет и влияние на массу росли не по дням, а по часам.

Недовольство и раздражение отсталых групп рабочих направлялись и оформлялись по линии „прямых действий" против второстепенных носителей зла — лавочников, спекулянтов и имущего населения столицы, благодаря черносотенной агитации обывательских элементов, проникших в заводы для спасения от фронта, и против „жидов". В голодные обеденные перерывы, в ночных сменах, по мало освещенным углам мастерских открыто шли сговоры, когда и какие лавки на Выборгской стороне громить. На некоторых заводах, как, напр., у Эриксона этим настроениям способствовал денатурат, который применялся для обработки алюминия и имелся в изобилии. В ночных сменах, выходивших с работы в 4 часа утра, всегда была масса пьяных. Эти хулиганствующие элементы обыкновенно крыли все партии без разбора,—и большевиков, и эсэров, и меньшевиков за то, что они только „рассусоливают", когда „гадов" — лавочников, спекулянтов, полицию, а то и „жидов" — „надо немедля давить". Передовых рабочих такие „уклоны" не могли не волновать. В них таилась чрезвычайная опасность для назревающей революции. Вместо прямой своей цели — свержения самодержавия, взрыв народного гнева мог произойти вхолостую, потонуть в крови погромов.

Так было внутри фабрично-заводских стен.

А за стенами фабрик и заводов столицы подыхало изжившее себя трехсотлетнее дряхлое чудище — самодержавие, давно уже зараженное процессом гниения и окончательно засмердевшее под ударами рабочего класса и военных поражений. Под масть изжившему себя режиму выглядел и возглавлявший самодержавие Николай Второй, „первый помещик России", царь-обыватель, умственно не превосходивший заурядного провинциального штабс-капитана. Без воли, без решимости и без характера, зато с избытком мстительности и злобности, он ничем не управлял, никем не руководил и никому не импонировал. Для истеричной и вместе властной царицы-немки, окруженной иконами и кликушами, эти черты супруга-царя служили источником бесконечных страданий. „Все жаждут, умоляют, чтобы ты показал свой характер", „повесь, наконец, думского Керенского", „покажи, что ты — царь", „заставь замолчать Думу",— пестрят в ее письмах исступленные призывы к воле и решимости мужа. Умственную и душевную ограниченность обывателя не прошибли ни истерическая исступленность жены, ни катастрофы двух войн, ни две революции, происшедшие в его царствование.

Следующие черты исчерпывающе характеризуют Николая.

В 1905 г., во время катастрофических поражений русских армий в войне с Японией, во время знаменитой Цусимы, накануне первой революции, „самодержец всероссийский" занимался раскладыванием пасьянсов и изучением отчетов о состоянии собственных ливадийских имений. Читая отчеты, царь исписывал их поля резолюциями — следами кретина, вроде: „Ах, как я люблю чернослив!" В том же 1905 г. во время революции заграничные сатирические журналы, высмеивая „русского самодержца", изображали испуганного казака, просовывающего голову в комнату запертого царя.

— Ваше императорское величество, они требуют вашей головы!

— Скажи им, что у меня ее никогда и не было.

События, предшествовавшие Февральской революции, и сама Февральская революция показали, что он ничему не научился с того времени, оставшись тем же умственным недоноском.

Каста сановников, царских лизоблюдов, „два десятка придворной рвани"—по выражению поэта Блока—была невероятно далека от действительной оценки грозной ситуации, складывавшейся в стенах фабрик и заводов.

Питерские пролетарии, благодаря опыту 1905 г. уже опередившие по революционному и классовому самосознанию пролетариат Европы, воспринимались дворянско-помещичье-барским царским окружением как существа какой-то низшей расы, преданные своему царю и хозяевам. Характерно, что официально рабочие большею частью именовались по крепостной старинке „фабричными" и „мастеровыми".

Забастовки и рабочие волнения вульгарно приписывались „проискам социалистов-интеллигентов и инородческих элементов", чуждых и сторонних рабочему классу. За сорок-пятьдесят лет с возникновения рабочего движения в России сановные чиновники так и не придумали „умных" способов борьбы с его ростом. Шпионаж, аресты, каторга и ссылка активных рабочих, „зараженных интеллигентской преступной пропагандой", — вот методы, применявшиеся и при зарождении движения, в период рабочих „бунтов" шестидесятых-семидесятых годов, и в последней его стадии — в 1917 г. Подъем рабочего движения в Петрограде, где были сосредоточены заводы-гиганты, тесно связанные с ходом войны, дезорганизовал государственный аппарат царизма. Правительство, не понимая внутренних пружин движения, прибегало лишь к усилению тех же репрессий. Так, 2 сентября 1915 г. начальник Петроградского военного округа генерал Фролов издал приказ, который сулил за забастовку ни более ни менее как каторжные работы по приговору военно-полевого суда

Неспособное по своей культурной отсталости и классовой природе к широким реформам в рабочем вопросе на европейский лад, притупляющим острые углы классовой борьбы, правительство прибегало к примитивам. Через охранные и жандармские отделения оно работало над разложением рабочих рядов предательством и провокацией. К февральским дням это „движение“ тоже достигло своего завершения. В Питере не было ни одного завода, свободного от провокаторов. Охранка понасажала и в больничные кассы, и в военно-промышленные комитеты, и в Государственную думу и т. д. всех этих предателей—Суриных, Черномазовых, Абросимовых, Малиновских, Шуркановых, Карякиных-Врублевских и пр., выкорчеванных победившим рабочим классом.

Мудрые правительственные мужи полагали, что если хозяева-фабриканты и заводчики не очень будут притеснять рабочих, будут устраивать для них столовые с доброкачественными обедами за недорогую плату, потребилки, где будут отпускать товары в долг до получки, то с „добрым русским рабочим“ можно жить да поживать. Осенью 1915 г. на совещании фабрикантов и заводчиков представители правительства журили их за то, что они мало уделяют из своих прибылей на устройство столовых и потребилок. На хитроумные возражения не желающих тряхнуть мошной фабрикантов, что во время совместных обедов могут происходить „нежелательные разговоры“, представители правительства предлагали сократить время обеда до такой степени, чтобы „едва-едва можно было пообедать“[1], а если и это не поможет, поставить граммофон: „пускай кричит погромче, чтобы ничего нельзя было расслышать, а если к тому еще присоединить и туманные картины патриотического содержания, то лучшего и требовать нельзя — все будет благополучно и спокойно“.

---

[1] Шляпников, „Канун 1917 г.“

В 1916 г. „царь-отец“ снизошел даже до непосредственного общения со своими „верноподданными“ — рабочими. Не ожидая, видимо, после 9 января визита рабочих к себе, сам посетил Путиловский завод. Черносотенная пресса вдохновенно врала, описывая взрыв патриотизма и верноподданические восторги 25.000 путиловцев. В действительности „ура“ кричала царю администрация завода. Рабочие же или стояли молча, или работали, не разгибая спины, как будто не замечая, что происходит кругом. После посещения царя многие из администрации получили награды в виде серебряных часов и медалей, а некоторые и повышены в чинах[1].

Ближе к реальной действительности был охранный и розыскной аппарат правительства – департамент полиции, охранные и жандармские отделения. Не полагаясь только на „патриотизм“ и „верноподданнические чувства“ рабочих, охранка перед самыми февральскими днями (24 января 1917 г.) через министерство торговли и промышленности созвала съезд фабричных инспекторов по вопросам „рабочего законодательства“, а главное „для того, чтобы информировать высших чинов министерства о настроениях рабочего класса и о способах борьбы с революцией и забастовками“[2].

Справедливость требует сказать, что аппарат царизма делал попытки рационализировать способы борьбы с рабочим движением. Рост политических требований и забастовок питерских рабочих заставляет департамент полиции применить забытые после 1905 г. методы правительственной агитации—попытаться урезонить“ рабочих[3]. По представлению департамента по-

---

[1] Лемешов, „На Путиловском заводе в годы войны“, „Красная летопись“ № 2 ( ), 1927 г., стр 8.

[2] „Речь“, 17 января 1917 года, № 15.

[3] В 1905 г. граф Витте тоже пытался „усовестить“ питерских рабочих и обратился к ним с воззванием, начинающимся обращением „братцы“. Рабочие свой ответ Витте начали со слов: „граф, мы вам не „братцы“, так как ни в каком родстве с вами не состоим“.

лиции, командующий Петроградским военным округом генерал Хабалов берет на себя роль агитпропа. Повторяя призыв Милюкова и Родзянки, предостерегающий рабочих от забастовок, Хабалов расклеивает на стенах фабрик и заводов приказ от 9 февраля 1917 г. Одновременно и усовещивая и угрожая, он пишет:

„...После неисчислимых жертв русского народа силы врага, наконец, надломлены. Осталось, быть может, последнее усилие. Помните, что без единодушия внутри страны, без непрерывной работы на оборону всех и каждого в тылу армии все ее боевые подвиги, все жертвы народа пойдут прахом. Каждая забастовка уменьшает число снарядов, отнимает у нашей армии оружие. Тот, кто бастует теперь,— изменник своему отечеству, предает своих братьев, находящихся в окопах. Большинство из вас — военнообязанные, и вы должны были стать в ряды армии и ежеминутно рисковать своей жизнью. Вас оставили здесь, при ваших семьях, при вашей привычной работе. Для чего? Для того, чтобы вы ковали то оружие, которое необходимо армии, недостаток которого увеличит потери армии и затянет окончание войны. Не предавайте же ваших братьев! Петроградские рабочие! Я обращаюсь к вашему здоровому рассудку, к вашей совести. Не слушайте преступных подстрекателей, которые зовут вас к измене, оставайтесь при ваших станках, исполняя тем ваш долг перед вашими братьями, которые заменили вас в окопах. Берегите вашу общую мать, вашу родину—Россию. Тем же, кто остается глух к моему обращению, я напоминаю, что Петроград находится на военном положении и что всякая попытка насилия и сопротивления законным властям будет немедленно прекращена силою оружия“.

* * *

Хозяйственный аппарат самодержавия — каста чиновников, оторванная даже от буржуазной общественной

ности, не могла справиться с выдвинутыми войной сложными проблемами транспорта[1], топлива, снабжения армии и населения — проблемами, разрешаемыми, как теперь понимает каждый комсомолец, а то и пионер, только самодеятельностью самих масс. Уже к концу 1916 г. промышленность, сельское хозяйство, транспорт были приведены в негодность самодержавием, и напрасно впоследствии враги рабочей власти пытались свалить эту вину на Октябрьский переворот.

Продовольственный вопрос являлся для царского правительства поистине роковым. Недаром царица в одном из своих писем царю писала: „Этот продовольственный вопрос сводит меня с ума". Все заготовительное дело бюрократически возлагалось на губернаторов. Министр земледелия Риттих из своей петербургской канцелярии пытается руководить заготовками, приказывая губернаторам через земства, землеустроительные комиссии, волостные правления закупать хлеб у крестьян по разверстке на льготных условиях. Но бурбоны-губернаторы, не привыкшие к церемониям с мужиком, требуют „ввиду острого недостатка муки установления твердых цен — и предоставления права реквизиции муки"[2]. Твердые цены на хлеб устанавливаются, право реквизиции дается.

В результате хлеб исчезает. К февралю 1917 г. запас хлеба катастрофически падает, составляя около 8.200 тонн, т. е. обеспечивая всего десятидневную потребность свыше чем двухмиллионного населения, 500 тысяч рабочих и 150 тысяч солдат. Такое положение заставляет правительство накануне революции, 16 февраля, ввести карточную систему распределения хлеба.

Верховный начальник санитарной части, „санитарный диктатор", принц Ольденбургский, известный

---

[1] Еще перед войной на железнодорожном транспорте нехватало 2.000 паровозов и 80.000 вагонов („Красный архив", т. X, стр. 75).

[2] „Речь", 17 января 1917 г., № 15.

больше под именем „Сумбур-паши", издает „наставление для добывания пищевых жиров и бульонов из костей". Наставление это „повелевалось" принять к руководству и обязательному применению в самых широких размерах всем лечебным заведениям, войсковым частям, общественным и частным учреждениям, а также домашним хозяйствам, где только остаются кости от мясного скота[1].

Повеселили рабочих трактирщики Выборгской стороны. Обеспокоившись исчезновением кускового сахара, они обратились в градоначальство к ведавшему продовольствием полицеймейстеру Григорьеву с ходатайством о снабжении трактиров кусковым сахаром. Григорьев трактирщикам в рафинаде отказал и предложил обходиться сахарным песком, указав и способ употребления: „Насыпьте песок в тряпочки, завяжите и такие соски выдавайте посетителям вместо кускового сахара".

Впрочем, тот же Григорьев, распределяя для города мясо, под давлением рабочих-правленцев, отпускал ежедневно сравнительно большое количество мясных туш кооперативу рабочих и служащих Выборгской стороны.

Изолированная от производительных сил страны, замкнутая в своем кругу каста царедворцев вырождается, не имеет „смены". Председатель думы Родзянко в своих мемуарах рассказывает:

„При назначении на пост премьера И. Л. Горемыкина, на вопрос Родзянки: „Как вы, Иван Логинович, при ваших преклонных летах решились принять такое ответственное положение?" Горемыкин ответил: „Ах, мой друг, я не знаю почему, но меня вот уже третий раз вынимают из нафталина..."

Когда князь Голицын получил назначение на пост председателя совета министров, его спросили:

---

1 „Речь", 9 января 1917 г. № 7.

— Как вы, почтенный князь, идете на такой пост, не будучи совершенно подготовлены к такой деятельности?

Он ответил буквально следующее:

— Я совершенно согласен с вами. Если б вы слышали, что я наговорил сам о себе императору! Я утверждаю, что если бы обо мне сказал все это кто-либо другой, я вызвал бы его на дуэль[1].

Политическая нелепость царизма сознавалась не только рабочими, но с достаточной полнотой обнаружилась к февральским дням для всех слоев общества. На фоне проблем, выдвинутых мировой войной, ясно и наглядно отразились вся архаичность, все ничтожество пережившей самое себя царской власти и ее аппарата. Война плюс распутинщина в два-три года довершили работу революционных поколений, рассеяв в миллионных крестьянских низах деревни мистический туман, окружавший царя и царицу, и обнажив гниль и смрад „помазанника божьего“ и его семейки.

От былого в 1914 и начале 1915 г. единения „общества“ с царем и правительством, т. е. блока жадности крепостника-феодала и захватнических тенденции империалистов, о котором Родзянко в своих воспоминаниях пишет:—„...Партии в Государственной думе во имя чести и достоинства дорогого отечества дружно объединились между собою и в этом сознании решили всемерно поддерживать правительство“,—от этого „единения“ к концу 1916 г. не осталось и следа. В воздухе носились конституционные и революционные микробы. В думе, на земских и городских съездах, в военно-промышленных комитетах бурлила молодая российская буржуазия, сознававшая себя классом-наследником государственной власти от касты чиновников.

---

[1] Мансырев, „Мои воспоминания“. „Революция в описаниях белогвардейцев“. ГИЗ, 1925.

Промышленная буржуазия и до войны ощущала известный разрыв между политико-экономическими интересами своего класса и режимом самодержавного царизма. Кастово-замкнутый царизм не допускал к власти технически прогрессивную буржуазию, ходом исторического развития придвигаемую к власти. Феодально-крепостнические путы самодержавия держали в экономическом рабстве многомиллионного производителя крестьянина, убивая его покупательную способность, мешая образованию внутреннего рынка сбыта, мешая превращению отечественной мошны в капитализм западно-европейского типа. Изменившиеся формы отношения капитала к государству во время мировой войны вследствие небывалого масштаба производства средств истребления, снаряжения, обмундирования армии, продуктов питания, могущественная политическая и экономическая поддержка антантовской буржуазии, — значительно увеличили удельный политический вес русской промышленной буржуазии и заострили ее антагонистичность к отжившей свой век системе самодержавия. Молодая российская буржуазия превосходно понимала: для того чтобы довести войну до желательного ей, буржуазии, победного конца, необходимо напряжение и развитие именно всех производительных сил страны, а дворцовая клика в своем скудоумии и феодально-крепостнической кастовости не только неспособна выполнить эту задачу, но может своей политикой вызвать революцию, в которой рискует не только сама погибнуть, но отнять положение и богатство и утопить в крови и ее, буржуазию.

По свидетельству французского посла Палеолога, даже такой туз, как Путилов, на банкете промышленников не стеснялся требовать смещения царя как слабоумного, не справляющегося со своими задачами и неспособного дальше царствовать. Стремясь заполучить власть из рук самодержавия, буржуазия тем самым одновременно стремилась „убить и другого зайца“ —

режимом своей политики предотвратить грядущую революцию.

Если отношение либеральной буржуазии и ее представителей в Государственной думе к самодержавному режиму было отрицательным, то к рабочему классу оно было двусмысленным и противоречивым. Российская буржуазия, в отличие от дворянско-барского окружения царского трона, должным образом оценивала рост и значение рабочего движения в России и еще до войны начала замечать, что ее пролетарский спутник в борьбе против самодержавия, по выражению Энгельса, перерастает через ее голову.

Находившаяся под наибольшим союзническим влиянием часть промышленной буржуазии, засевшая в Военно-промышленном комитете, на одном из своих публичных выступлений [1] следующим образом, на русский манер, осторожно формулировала практику „сотрудничества классов", проводимую союзниками.

„...Политическая обособленность рабочих и принципиальное их отчуждение от всяких общений с так называемым буржуазным элементом представляет несомненно серьезную опасность для нормального политического развития страны, для поддержания в ней внутреннего спокойствия, столь необходимого для борьбы с внешним врагом..."

Либеральная буржуазия и выразительница ее интересов, кадетская партия, конечно, понимали, что самодержавие может быть свергнуто не путем образования „ответственных министерств", не публичными выступлениями ее златоустов и не путем резолюции хотя бы самаго „революционного" свойства, а лишь восставшим народом, т. е. рабочими массами, и это сознание вызывало известное сочувствие буржуазии к рабочему движению. Но классовая природа буржуа-

---

[1] Заявление Военно-промышленного комитета от 31 января 1917 г. Шляпников, „1917 г.", стр. 270—283.

зии исключала революционные методы борьбы с самодержавием. Буржуазия жила в беспрестанной тревоге между головотяпской политикой кучки, окружавшей трон, неспособной вести войну, но способной вызвать революцию в стране, и бурным ростом рабочего движения; в беспрестанной боязни масс, боязни революции, вернее, той ее черты, за которой она, желанная и полезная, переходит в „бунт черни“ против богатых, состоятельных слоев населения, т. е. против самой буржуазии. „Русская буржуазия и ее камрады—союзные капиталисты хотели „маленькой революции для большой войны“ (Сталин). Эта двойственность обусловливала все внутреннее противоречие буржуазной „оппозиции“ самодержавию и буржуазного „сочувствия“ рабочим. Буржуазия стремилась к власти, чураясь единственного пути, ведущего к ней, — революции. Родзянко („Архив русской революции“, т. VI) приводит выступление одного из буржуазных активистов—Жуковского:

„...Теперь не время совершать переворот, нужно подвигаться к власти путем эволюции, а не путем революционных переворотов...“

Таким образом тактика и политика буржуазии военного периода не усиливала шансов победы ни той ни другой из борющихся сил—ни рабочих ни самодержавия. Буржуазия лишь путалась под ногами у тех и других, напуская туман на ясные позиции борющихся.

Будучи не в силах революционным путем взять инициативу ведения войны в свои руки и осуществляя свой „эволюционный“ путь „продвижения“ к власти, левый фланг буржуазии, наиболее активная промышленная ее часть, ставил своей задачей постепенное расширение базы борьбы с самодержавием за черту парламентаризма и съездовских резолюций. Для выполнения этой задачи промышленникам нужны были: 1) свои классовые организации, влияющие на ход

войны, 2) связи и опора в основном и могущественном противнике самодержавия—в рабочем классе. Отсюда возникли военно-промышленные комитеты и союзы земств и городов (земгоры). При помощи этих организаций промышленники надеялись увеличить шансы победы, используя в то же время свою роль и растущий удельный вес в организации и ведении войны—для постепенного захвата в свои цепкие и крепкие руки власти из трясущихся, старческих рук царского охвостья. Аппараты земгоров и военно-промышленных комитетов комплектуются российской интеллигенцией. Буржуазия, как всегда, использует служилую и техническую интеллигенцию, властно заставляя ее делать то, что требуют ее (буржуазии) классовые интересы.

Через военно промышленные комитеты буржуазия пыталась осуществить и вторую свою задачу—в борьбе с самодержавием „опереться на массу", предварительно, разумеется, выдернув из ее страшной пасти острые клыки, сделав ее безопасной для себя и одновременно пугалом для выживших из ума царских сановников. Для этой цели буржуазия привлекла в военно-промышленные комитеты рабочих меньшевиков-оборонцев („рабочие группы военно-промышленных комитетов"), используя их как таран против самодержавия и щит против грядущей рабочей революции.

Не меньше революции буржуазия опасалась сепаратного мира с Германией, тенденция к каковому имелась у Романовых, связанных династическими узами с германским царствующим домом. Сепаратный мир ударял по интересам отечественной крупной промышленности и банкового капитала.

Молодая российская буржуазия в предвоенные, а в особенности в военные годы испытывала на себе усиленное влияние старшего союзнического англо-французского капитала. Русские промышленники и банкиры были связаны золотыми нитями с западно-европейскими.

В продолжение ряда лет золото Западной Европы текло беспрерывным потоком в Восточную Европу— Россию, сращиваясь в предприятиях и банках с русским золотом. Накануне войны, на 1 января 1914 г., основные капиталы русских коммерческих банков составляли 585 млн. руб., из них иностранная доля равнялась 434 млн. руб. или 74,2 процента всей суммы основных капиталов банков[1]. При этом англо-французская доля выражалась в 63 6 процента. Англо-французский капитал монополизировал всю русскую тяжелую индустрию. Основные капитальные вложения в русскую металлургию составляли 88 процентов ко всему капиталу, 55 процентов вложений в нефтяную промышленность принадлежали английским капиталистам. В руках французских предпринимателей было 60,7 процента выплавки всего чугуна, 51 процент добычи каменного угля и т. д.[2]

Задачей союзнического капитала в „русском вопросе" периода войны являлись переход государственной власти к своему вассалу—русской буржуазии—и организация сотрудничества с буржуазным правительством рабочего класса à la Гендерсон, Том и пр. Такая политическая ситуация страховала от возможности заключения царизмом сепаратного мира с Германией и сохраняла союзным империалистам десять миллионов русских солдат, призванных охранять на Восточном фронте их предприятия и вложенное в русские банки золото и обеспечить гегемонию англо-французского капитала над миром.

Основной „опорой" оставшегося без народа трона являлась кучка крупных помещиков—„зубров", владельцев огромных поместий, унаследованных от дедов и прадедов. Тридцать тысяч помещиков, имея во главе „первого помещика Российской империи—Романовский

---

1 Ванаг, „Финансовый капитал в России накануне войны", стр. 53.
2 Оль, „Иностранный капитал в России", стр. 19, 45.

дом“, владели в общей сложности 83 миллионами гектаров, т. е. таким же количеством земли, какое имели эксплоатируемые ими десять миллионов крестьянских семей [1]. Сохранить свое право на землю во что бы то ни стало, какой угодно ценой, было конкретной задачей этого слоя. Для выполнения этой немудрёной программы слепых в своей жадности помещиков-феодалов были созданы „союзы русского народа“, „палаты Михаила архангела“—наемные черносотенные банды погромных и филерских дел мастеров, российских предшественников современного фашизма, имевшие свои филиалы и кое-где на питерских заводах. Этот темный сброд при помощи наемных убийц расправлялся с интеллигенцией, инсценировал „народный гнев“ против „жидов“ и революционеров, устраивая еврейские погромы. Дубровины и Сашки Половцевы ябедничали на Государственную думу, требовавшую всего-навсего ответственного перед думой министерства [2]:

„...Законодательные учреждения подают пример чудовищного беззакония“,—лились продажные слезы,— „они стремятся вырвать твою отеческую царскую власть над русской землей. Земно кланяемся и просим тебя не слагать с себя тягчайшего царского бремени“.

Охотнорядские мясоторговцы посылали царю ободряющие телеграммы в таком стиле:

„Великий государь, страдалец за землю Русскую! Скорбит твое кроткое сердце, тревожится твоя добрая и прямая душа при виде начавшейся внутренней смуты“ [3].

Царь-обыватель клал свои пустые резолюции: „Искренне тронут“, „Сердечно благодарю“, которые жирным шрифтом печатались в „Русском знамени“ и

---

[1] Ржанов, „Десятый февраль“, стр. 13.

[2] Между прочим, это „ответственное министерство“ было, наконец, „даровано“ царем... 28 февраля, когда министры были уже арестованы, а в Думе заседал совет рабочих и солдатских депутатов.

[3] „Речь“ 8 января 1917 г., № 7.

„Земщине“ и, суля черной сотне подачки, окрыляли ее на новые подвиги.

В особенности эти хулиганствующие фашисты жаждали большевистской крови. Пуришкевич в одном из своих думских выступлений, обвиняя большевиков в отравлении рабочих табачных фабрик, „Треугольника“ и „Проводника“, требовал судить думскую большевистскую фракцию по законам военного времени и повесить. Черносотенные газеты („Русское знамя“, № 161 за 1914 г.) помещали статьи с заголовками: „Бадаева на виселицу“ [1].

В такой обстановке приближались грозовые для трехсотлетнего царского трона февральские дни, при всей тревожности политической атмосферы, при всем ожидании революции все же неожиданные для правительства и буржуазии.

Неожиданные, ибо хозяева жизни были заняты другим. Даже командующий Северным фронтом генерал Рузский в письме председателю совета министров (от 17 сентября 1916 г.) жаловался: „...Крупные и мелкие спекулянты бесконтрольно и безнаказанно спекулируют во-всю“, „портят и уничтожают предназначенные к выпуску на рынок продукты. Потерь от этого они не несут, возмещая убыток на непомерно взвинченной цене“.

ПК в прокламации в начале октября 1916 г., характеризуя рвачество и спекуляцию господствующих классов, писал:

„...Когда нажиться, как не теперь—вот вся идеология современных „хозяев жизни“, и всякий, от министра до лавочника, спешит урвать свою долю добычи. Крепостническое дворянство, под видом твердых цен вздувающее цены на хлеб, сахарозаводчики, припрятывающие запасы сахара, чтобы вздуть на него цену, петербургские городские заправилы, нагревающиеся на тухлой рыбе и тухлом мясе,—все

---

[1] Бадаев, „Большевики в Государственной думе“, стр. 285.

прикладывают свои грязные лапы, и над всей этой свистопляской зарвавшихся хищников парит все тот же двуглавый орел—символ романовской монархии".

Казалось, рабочие испытали в борьбе против этой „романовской монархии" весь арсенал своего оружия—массовые забастовки, политические демонстрации, все виды и формы протестов, потрясавшие царский правительственный аппарат. Пронеслась волна октябрьских 1916 г. забастовок, впервые за период войны захлестнувшая солдат: к бастующим на Выборгской стороне присоединились солдаты 181-го пехотного полка, избившие и разогнавшие вместе с рабочими полицию. Отдельные, умные и дальновидные враги рабочего класса начали понимать и должным образом оценивать значение борьбы рабочих с царизмом. Националист Шульгин в своем выступлении в думе в ноябре 1916 г. сигнализировал: „Судьбы России находятся наполовину в руках рабочих"...

А „двуглавый орел все парил над страной"... И это „парение", такое многовековое, такое привычное, создавало уверенность у неумных, недальновидных, к тому же ослепленных алчностью правящих классов, что на их век хватит: революция—еще не вопрос сегодняшнего дня. К тому же в конце января и начале февраля на заводах и фабриках Питера злобой дня являлся вопрос: поддерживать или не поддерживать левый фронт Государственной думы? Шествовать или не шествовать в день открытия Государственной думы—14 февраля—к Таврическому дворцу? Правительство эти сомнения рабочего класса не волновали, ибо оно хорошо знало, по донесениям своей агентуры, что это—лишь затея рабочей группы Военно-промышленного комитета, желавшей поддержать своих друзей в Государственной думе [1].

---

[1] Шествие это, как и нужно было ожидать, не нашло отклика в рабочих массах.

Была лишь, так сказать, полицейская тревога, что рабочие могут не ограничиться одним шествием к думе а наделать еще каких-нибудь бед. Известно было также, что идет агитация и подготовка к 23 февраля[1], но лишь как к женскому дню. По заводам гуляли прокламации ПК по поводу этого дня с лозунгами „Долой войну!", „Да здравствует демократическая республика!" Но это движение рассматривалось как „мирное", и на выход на улицу рабочих в этот день не рассчитывали.

Царские сановники и буржуазия не могли из глубин своих апартаментов спуститься в лабораторию грядущей революции—на заводы и в казармы. Они—сытые и лощеные—не могли ощутить, в какой степени к февралю 1917 г. тридцать один месяц человеческой бойни революционизировал миллионные массы их „защитников"—армию. Через свою агентуру они знали настроение рабочего класса столицы, знали о работе большевиков. Они знали, что в феврале большевики призывали рабочий класс „не обивать пороги дворцов" и звали даже не к забастовкам и демонстрациям, а к „открытой борьбе на улицу", к революции, выдвигая ее программой—„временное революционное правительство, демократическую республику, восьмичасовой рабочий день и передачу всех помещичьих земель крестьянству"[2]. Но „хозяевам жизни" стали привычны за годы войны пламенные революционные призывы авангарда рабочего класса, да и было дело поважнее—„спешить урвать свою долю добычи".

В такой обстановке царь счел возможным „отбыть" в ставку, куда и выехал 22 февраля, т. е. накануне дня первого выступления на улицу рабочих Выборгской стороны, оставив в Царском Селе „обожаемых" императрицу и наследника.

---

1 8 марта—женский день. Три года до этого Международный съезд работниц постановил этот день праздновать.

2 Флеер, „ПК большевиков в годы воины". Приложение 34.

Февральские дни явились неожиданностью не только для правительства и буржуазии, но и для официальных представителей „демократии“ в Государственной думе. Думские „левые“—Керенский, Чхеидзе, Скобелев и др., оторванные от жизни рабочих масс, не понимали внутренних движущих сил рабочего движения, не ощущали его темпа. Государственная дума заменила им рабочий класс. Они жили ее радостями и печалями, победами и поражениями. Не отвечая требованиям масс рабочих и крестьян в самом главнейшем—кончить войну, народники и меньшевики опирались на массы городской и сельской мелкой буржуазии, имевшей все основания вместе с рабочим классом быть недовольной самодержавием и желавшей заменить его буржуазной властью. Выражая требования и настроения своего класса, меньшевики и народники вели заостренную парламентскую борьбу с самодержавием на левом фланге думского буржуазного „прогрессивного“ блока. Все их сношения с фабриками и заводами исчерпывались слабою связью с одиночками-рабочими, информировавшими их о жизни заводов в степени, необходимой для думских выступлений. Ведущий революцию рабочий класс вел их, отстающих, за собою.

В такой обстановке грянули дни, за которые в продолжение полувека боролись революционные поколения. Осуществилась угроза, брошенная в лицо царскому суду сорок лет назад [1] одним из первых русских рабочих-революционеров:

„...И поднимется мускулистая рука рабочего, и ярмо самодержавия, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах“.

Ткач Петр Алексеев ошибся только в одном—солдаты-крестьяне, поборов свой вековой страх перед барином-начальником, перестали ограждать своими штыками „ярмо самодержавия“ и сами, в братском союзе с рабочими, обратили их против этого ярма.

---

[1] 10 марта 1877 г.

ФЕВРАЛЬСКИЕ ДНИ НА ВЫБОРГСКОЙ СТОРОНЕ [1]

23 февраля. Утренние сумерки окутывают Выборгскую сторону. Черными движущимися лентами хмуро шагает рабочий люд по исхоженным грязным переулкам и закоулкам к своим заводам и фабрикам. Люди в промасленной одежде, с прокопченными лицами, под завывание гудков, гуськом проходят через проходные, привычным жестом вешают номер и растекаются по мастерским к своим станкам, тискам и горнам.

В это утро работа на ум не идет. Распад государственного механизма, распад жизни доходит до какого-то предела, вызывая острое сознание: так дальше жить нельзя.

Политические корни экономических кризисов, так медленно и туго воспринимаемые народными низами, видящими в обстановке повседневной борьбы лишь непосредственные причины своих несчастий, в этот момент ярко осознаются массами сверху донизу.

Отсталые массы постигли скрытую для них причинную связь между голодными детьми, холодными плитами и самодержавием. Как при сильных душевных потрясениях неощутимой становится физическая

---

[1] Внутреннее состояние заводов Выборгской стороны дается по обстановке одного из ее крупных заводов—телефонного завода Эриксона (ныне „Красная заря").

боль, так в этот момент стушевывалось каждодневное чувство страха за себя, за близких, стремление выбраться из бедствия только самому. Личное, индивидуальное преобразовывалось в отчетливое сознание общности и неотделимости от тех, с кем изо дня в день работаешь бок о бок, рука об руку,—в безоглядочную готовность к бою за себя, за класс. Люди поминутно бросают станки, сходятся в кучки у станков и верстаков передовых рабочих. Трансмиссии работают попусту: станки вертятся на холостых шкивах и, не загруженные, громыхают сильнее обычного. Мастера тревожно бегают вокруг, покрикивая на рабочих, но эффекта уже никакого: никто не расходится, все остаются на своих местах. Взоры тысячных масс обращены на передовых рабочих. С чего начинать? Говори, указывай! Наступает один из тех моментов, когда подлинная масса без побуждений, сама выходит из пассивного состояния и толкает передовиков к руководству. На плечи рабочих партийцев ложится опасная задача. В 1905 г. за такой же революционный порыв многие и многие пролетарии расплатились ценою гибели, каторги и ссылки. За двенадцать лет раны зажили, но рубцы ран еще дают себя чувствовать. Пережитые поражения еще не забыты.

В больничных кассах собирается руководящая головка—числом десять-пятнадцать человек, обычное для заводов,—эсэры, большевики, меньшевики. Давление политического барометра властно сказывается: разногласий нет. Вопросы, стоявшие в порядке дня, в это историческое утро формулировались так: бастовать или не бастовать? Если бастовать, то выходить ли на улицу? Какой тактики держаться на улице? Эти вопросы разрешались на каждом заводе при полной неосведомленности о том, как они решаются другими заводами. Настроение было настолько единым, что руководящие группы заводов Выборгской стороны без предварительного сговора вынесли однотипное реше-

ние: бастовать и выходить на улицу, снимать другие заводы. Лозунги — „долой самодержавие“, „долой войну“, „требуем хлеба“.

В мастерских небывалая картина: трансмиссии вертятся, но ни одного человека нет у своего станка и верстака. Тысячи рабочих, собираясь толпами, тревожно ждут решения своих закоперщиков. Мальчишки, „радостный народ“, как всегда, первые узнают о нем. Со свистом, гиком они разбегаются по мастерским: „Бросай работу, на собрание!“ Лязгают сбрасываемые со шкивов ремни. Звенит убираемый в ящики инструмент. Моют по привычке незапачканные еще руки; снимают халаты и блузы; выбирают из шкапов верхнюю одежду и гурьбою, повеселевшие, с шутками и прибаутками, высыпают из мастерских на заводские дворы. Мастера скрываются в свои стеклянные конторки и выглядывают оттуда как испуганные птицы. Особняком стоит спешно вызванная высшая администрация завода, чистая и выхоленная. Вид не враждебный, скорее любопытный. Около администрации жмутся инженеры. Вежливенько около них—практиканты, стажеры, техники. Молодежь бросает рабочим сочувственные улыбки, понимающие взгляды, но с толпою рабочих не смешивается. Корпоративная отчужденность стеною отделяет инженера, техника, служащего от рабочего.

Высыпавшая на двор заводская комса занимает места, с которых видней и слышней. От этих добровольцев-„контролеров“ никуда не денешься—они вездесущи; все видят, все слышат. Замешкавшихся в мастерских разыщут в самых укромных местах и с шумом выпроводят на двор. Отдельных рабочих, нацеливающихся улизнуть со двора, останавливают уговорами и насмешками. Взгромоздившись на металлический лом, на старые станки, рабочие-ораторы обращаются к массе с речами. Ораторы—свои, известны как облупленные, и вместе с тем как-то преображены моментом, насыщены революционностью. Настроение поднимать не

надо, агитировать не приходится. Речи инструктивные: как вести себя на улице. Цель выхода—свержение самодержавия, основной причины всех народных бедствий. Ни в коем случае не поддаваться соблазну громить лавки—в этом опасность потопить в погромах возможность свержения самодержавия, а вместе с тем и прекращение войны. Назавтра в обычный час приходить на заводы, но к работе не приступать. Масса ощущает серьезность момента, насторожена и дисциплинирована. Даже шумливые и озорные мальчишки притихли, слушают своих знакомых и привычных руководителей как никогда.

Часам к 11 утра на Сампсониевский проспект выходят рабочие заводов Эриксон и Новый Леснер. Первые группы жмутся к привычным воротам заводов: из-за забора пустыря, через переулок от телефонного завода Эриксона, жутко высовываются пики скрытых там казаков. По мере выхода остальных рабочих, видя около себя своих руководителей, толпа начинает двигаться вперед замедленным шагом. В передних рядах по преимуществу молодежь.

Прохожие, забыв про свои дела, с изумлением останавливаются. Извозчики спешат укрыться в боковых переулках. Лавочники торопливо захлопывают ставни и двери магазинов. Не успевшие запереться стоят в дверях своих лавок, бледные, растерянные. Из пустыря наперерез толпе сейчас же высыпает отряд казаков и становится поперек улицы в 5-6 десятках метров от рабочих, образуя частокол пик. Толпа, не нащупав еще настроения казаков, инстинктивно, без всяких указаний, не выбрасывая лозунгов—„Долой самодержавие“, „Долой войну“, с возгласами: „мы голодны“, „мы вышли требовать хлеба“, неуверенно приближается к казакам. Казаки как-то странно, непривычно остаются недвижимы. Это ободряет толпу, она подходит вплотную к лошадям, видит в непривычной близости обветренные степные лица всадников. Рабо-

чие радушно предлагают курево; казаки, косясь на офицеров, берут папиросы, свертывают из махорки „собачьи ножки". Работницы затевают разговоры. Говорят возбужденно:

— Мы требуем хлеба, не мешайте нам. Мы добьемся мира, и тогда солдат и казаков освободят, и они уедут на родину к своим семьям.

Смелые, неслыханные среди бела дня на улицах столицы слова рабочих о мире делают свое дело—попадают в самую больную, волнующую точку. Казаки отводят глаза в сторону, переминаются на седлах; отвечают мало, односложно. Но толпе большего и не нужно. За все годы революционных уличных выступлений рабочие впервые так близко подходят к казакам. Они видят в этих людях, прославленных царских опричниках, патентованных нагаечниках, простых крестьянских парней, сбитых с толку, натравленных на рабочих классовым врагом. Эта встреча отличает выступление 23 февраля от всех прежних уличных „беспорядков". Как-то сразу рождается надежда, что на этот раз „наша возьмет", уличное выступление перейдет в революцию и осуществит, наконец, лозунг „Долой самодержавие", а стало быть и „Долой войну".

Повеселевшая и освоившаяся толпа облепляет казаков, проталкивается между лошадьми и заходит в тыл отряду. Молодой офицер, не знавший вначале как держаться, начинает выражать признаки волнения, понукает казаков, приказывая оттеснить толпу в боковые улицы. Казаки вяло подчиняются. Тем временем кучка людей окружает офицера и стаскивает его за ноги с лошади. Пользуясь свалкой, толпа, без особого труда прорвав казачье заграждение, устремляется вперед. Сбитые казаки выстраиваются вновь, но вместо преследования поворачивают в противоположную сторону и пускаются рысью по Сампсониевскому в направлении Лесного. Вслед им гремит буйное „ура" толпы: „да здравствуют казаки!"

Радостная от первой победы, демонстрация двигается дальше, в сторону клиники Вилье. Из Бабурина переулка показываются тысячи две-три рабочих ровными рядами, человек по двадцати в каждом. Это— Новый Парвиайнен. Восторг, энтузиазм, „ура!“ Летят вверх шапки. Толпы сливаются. Из платков красного цвета, в которых принесли в это утро тощие завтраки, понаделали импровизированные флажки. Заводилы-певцы затягивают „Отречемся от старого мира“, „Смело, товарищи, в ногу“. Толпа многоголосым могучим хором подхватывает. Крики: „хлеба давайте!“, „долой войну!“, „долой самодержавие!“ Шум и гул голосов наполняют Сампсониевский проспект. Тротуары запружены простоволосыми женщинами, детишками, стариками. Матери передают на руки демонстрантам-отцам детей. Другие, ругаясь, зовут мужей домой. Молодежь за руки стаскивает с тротуара знакомых девиц. Все мелкое, повседневное забыто. Полиции нет. Полицейский участок еще в самом начале пройден благополучно.

Демонстрация поворачивает на Нижегородскую в расчете встретить или снять Металлический, Розенкраца, Арсенал и другие заводы. По Нижегородской уже двигается с пением огромная толпа рабочих; конец ее—на Симбирской. Какой завод—не разберешь. Может быть Металлический, может—патронный или Розенкранц. Радость встречи выражают только передние ряды. Народу так много, он идет так густо, что задние уже не видят встречи.

К этому моменту демонстрация представляет слившуюся воедино сплоченную массу тысяч в пятнадцать, в которой рабочие отдельных заводов теряют связь между собой. Не видя знакомых лиц, без руководства, рабочие стихийно двигаются вперед, кто куда. Одни идут прямо через Литейный мост, направляются на Невский, попутно пытаются снять рабочих Орудийного завода. Другие направляются через Сампсониевский мост на Петроградскую сторону. Часть сворачивает

на Симбирскую снимать Арсенал. Тут, у Финляндского вокзала, впервые показывается небольшой отряд полиции. Огромная толпа в один момент сминает и рассеивает городовых. Начальник отряда, помощник пристава Каргель избит, ранен, и его, окровавленного, с оборванной шашкой, в изодранной шинели, с мертвенно-бледным лицом, отправляют в больницу.

Арсенал работает, представляя контраст с уличным рабочим праздником. За закрытыми наглухо железными дверьми и воротами гудят машины. Начальство там военное. Рабочие на выступления тяжелы: работают десятки лет, получают пенсии и даже какие-то нелепые медали. Толпа таких же рабочих, как и те, что работают у гудящих машин, энергично бомбардирует ворота и окна камнями и кусками железа. По одному-по два начинают показываться перепачканные, в промасленных блузах, растерянные и смущенные арсенальцы. Они выходят наконец на улицу, но большей частью неприязненно расходятся по домам, не присоединяясь к толпе.

Без особых затруднений снимаются 4.000 рабочих Патронного завода. Быстро организуются пикеты рабочих у ворот очищенных заводов, чтобы не допускать на работу ночные смены. После снятия Арсенала толпа, оставшаяся на Выборгской, выдыхается, редеет и тает, растекаясь по длинному Безбородкину и боковым переулкам.

В расчете на обильную торговлю открываются чайные, эти рабочие клубы царского времени. Понемногу на улицах Выборгской стороны остаются только отдельные кучки. Появляются рабочие, уже „хватившие" на радостях. Бабы у ворот оживленно обсуждают различные подробности событий. Открываются закрытые ворота, ставни домов, и к вечеру местность принимает будничный вид.

К ночи наскоро „мобилизуются" хулиганы и темные элементы с Нейшлотских и Безбородкиных, чтобы,

воспользовавшись победой рабочих, прогнавших полицию, погромить лавки и пограбить квартиры. Рабочие, еще не ориентировавшиеся в движении, не организовали охраны против этой опасности. В ночь с 23-го на 24-е по Сампсониевскому были разгромлены и разграблены несколько табачных и одежных магазинов. Но хулиганские элементы Выборгской стороны тоже не поспели как следует „организоваться". Поэтому погромы дальше трех-пяти магазинов не пошли.

23 февраля бастовала главным образом Выборгская сторона. По официальным данным, всего бастовавших было около 90 тысяч. По тем же сведениям [1], из этого числа на другие районы падает около 20 тысяч. Поэтому надо считать, что бастовали почти все заводы Выборгской стороны.

Роль полиции и казаков в подавлении движения первого дня выразилась только в упомянутых слабых попытках противодействовать движению толпы на Сампсониевском и у Финляндского вокзала. Общая осведомленность о брожении на заводах была, были приняты меры: усилены полицейские посты близ заводов, няряжены патрули из казаков и конной полиции, кое-где расставлены засады. Но размах движения первого дня явился все же неожиданным для полиции (да и для самих рабочих), заставив ее растеряться и стушеваться. Только в ночь с 23-го на 24-е полиция серьезно мобилизовалась.

Зато прошедший день дал известную ориентировку и опыт руководящим группам заводов. Встречаясь на улицах к вечеру первого дня, рабочие заводов Выборгской стороны намечали программу действий назавтра: продолжать выходить на улицу; оказывать вооруженный отпор мобилизующейся полиции; где можно переходить в нападение; снимать по другим районам еще работающие заводы; усилить агитацию

---

[1] Шляпников, „1917 год", стр. 75—86.

против погромов. Лозунги сохранить те же, что и накануне. Двигаться прямо в центр города—на Невский.

Чтобы избежать возможных арестов, руководящие рабочие, большей частью „стреляные птицы“, побывавшие в тюрьмах и ссылках, дома не ночевали. Расчет основывался на том, что охранка и жандармы в поисках „агитаторов“ и „организаторов“ движения пойдут по своему испытанному пути—начнут „изымать“ с каждого завода руководящих рабочих, которые хорошо им известны.

23 февраля утром рабочие сознательно вышли на улицу с фабрик и заводов, но этот первый день показал, что дать готовую стратегию движения и руководить им сверху непосильно никакой революционной организации, даже большевикам, стопроцентной партии рабочего класса.

В основных чертах стратегия и тактика движения, приблизительно одинаковые, были намечены передовыми рабочими с первого дня в недрах каждого завода и фабрики.

Опыт для наметки плана у рабочего авангарда был приобретен: движение и бои с царизмом 1905 г., многочисленные забастовки и уличные политические демонстрации; еще свежий опыт предвоенного подъема питерского рабочего движения, с баррикадами и схватками с полицией; работа „Правды“, формулировавшей, освещавшей и внедрившей опыт борьбы в сознание широчайших рабочих масс.

Суть стратегии и тактики движения, выдвинутых массами, сводилась в основном к следующему: 1) каждый день выходить на улицу из стен фабрик и заводов, чтобы можно было на основании опыта прошедшего дня ориентироваться в тактике следующего 2) лозунги движения: для первых дней—сначала требования хлеба и мира, как наиболее близкие и понятные войскам, а после ориентировки в уличной обстановке—выдвижение лозунга: „Долой самодержавие“

3) категорическая директива массам — остерегаться соблазна громить лавки, рассматривать такие действия как провокацию; 4) со второго дня движения общая директива—вооружаться против полиции и не трогать войск; 5) со второго-третьего дня брататься с войсками, используя опыт движения первых дней.

С самого начала движения эти положения внедрялись в широкие рабочие массы передовыми рабочими на каждом заводе и каждой фабрике. В свою очередь богатый опыт массовых уличных выступлений питерского пролетариата помог ему осуществить без непосредственного уличного руководства, невозможного по масштабу движения, директивы своего авангарда.

Из подпольных организаций движение было связано главным образом с бюро ПК большевиков. К этому партийному центру стекались сведения о ходе движения. Вокруг бюро группировались партийцы, руководители районов и представители ПК. Здесь в стихию движения вносилась сознательность, которая страховала от возможного влияния на него мелкобуржуазной идеологии. Здесь практика движения оформлялась в лозунги вооружения против полиции, братания с солдатами... Шла работа по обслуживанию движения—выпуску листовок, информации других городов с целью их вовлечения в движение.

Наконец партия учитывала в интересах пролетариата то, чего не могла учесть в ходе движения масса,—возможные результаты движения. При победе—созыв совета рабочих депутатов на основе опыта того же пятого года, при поражении—предохранение движения от развала, организованное отступление.

* * *

24 февраля. В обычный час, к семи утра, рабочие собираются на свои заводы. На заводских стенах расклеены объявления за подписью командующего Петро-

градским военным округом генерала Хабалова с угрозами отправить на фронт всех, кто в 24 часа не станет на работу. На некоторую часть рабочих, еще мало вываренную в заводском котле, не искушенную в политической борьбе, эти угрозы производят впечатление. Выступающие товарищи призывают не поддаваться угрозам Хабалова, к работе не приступать, выходить на улицу со вчерашними лозунгами, расправляться с провокаторами, призывающими к погромам, для обороны против наступления брать оружие, болты, гайки, куски железа, итти на Невский, по дороге останавливать трамваи, отбирая ключи у вожатых.

Рабочие уже с большей уверенностью, нежели накануне, выходят на магистраль Выборгской стороны—Сампсониевский проспект. Основная цель выступления второго дня четко определилась в представлении рабочих масс. Если в первый день лозунг „долой самодержавие“ отодвигался на второй план требованиями „хлеба“ и „мира“, то 24 февраля свержение царизма превратилось из требования второго плана в реальную задачу дня. Какого-либо пункта средоточия самодержавия, вроде Зимнего дворца, министерств, охранного отделения и т. п., в маршруте масс не было. Что именно конкретно делать для свержения самодержавия, никто не знал. Устремлялись на Невский как проспект царского сановничества, верхов военщины, буржуазии и дворян-помещиков.

На Сампсониевском, на Нижегородской, на Боткинской, на Симбирской—все заводы Выборгской стороны. На Литейном мосту первое препятствие к проникновению на Невский—мост загорожен тройной цепью конной полиции и казаков. По всей Пироговской набережной—цепи полицейских. По ту сторону моста, против Орудийного завода, поперек Литейного—заграждение из конной полиции и войск. По Нижегородской до поворота на Лесной проспект чернеет несметная рабочая армия, численностью тысяч в сорок—пятьдесят.

В продолжение часа гигантская черная лента, не двигаясь, стоит вплотную к заградительному отряду. Только отдельные рабочие прорываются между полицейскими, охраняющими берег, и по льду Невы перебегают на другой берег. Но вот под давлением вновь и вновь прибывающих масс рабочих задние ряды с Симбирской и Нижегородской напирают на передних, и толпа волей-неволей начинает надвигаться на полицию и казаков. Часть толпы, выжатая на набережную, прорывает цепь полицейских, расставленных на Пироговской набережной, и с криками „ура“ бежит по льду на другую сторону Невы.

На самом мосту люди под напором сзади пробиваются между боками и ногами лошадей. В стремлении выбраться за заграждения хватают всадников за стремена, за ноги, стараясь стащить на землю. Казаки и полицейские бьют сверху шашками и нагайками. Шум, гам, крики, женский визг. Командующий отрядом полицеймейстер Шалфеев, старик с мохнатыми бровями и седой бородой лопатой, выхватывает из ножен шашку и отдает приказание открыть огонь. В этот момент из толпы раздается выстрел. Шалфеев валится с лошади и пропадает в людской каше. Оставшиеся без командования полиция и казаки теряют ретивость и сопротивляемость. Толпа прорывается и неудержимым потоком несется через мост на Литейный. Увлекаемые черным рабочим потоком, крутясь, несутся серые и синие фигуры полицейских и казаков. Стоящие за мостом полиция и войска сметаются несущейся людской лавиной и рассыпаются по Литейному и набережной. Народ устремляется к цели своего движения—на Невский.

Невский в момент появления рабочих толп представляет резкий контраст с Выборгской стороной. Магазины и учреждения открыты, праздная публика нарядна, много офицерства. Весь Невский от Николаевского вокзала до Адмиралтейства быстро заполняется

рабочими Выборгской стороны. По Садовой и Литейному прибывают новые рабочие армии из-за Московской заставы, от Нарвских ворот и с Петербургской стороны. Рабочие заливают проспект, двигаясь по его середине. Масса публики стоит по тротуарам в роли сторонних наблюдателей. Их приглашают присоединяться. Многие, особенно молодежь, охотно откликаются на призывы, сходят с панелей и смешиваются с толпой. С появлением рабочих магазины закрываются, движение трамваев, автомобилей и экипажей останавливается. Чистая, выхоленная публика „смывается". Среди черной рабочей массы мелькают студенческие фуражки, интеллигентные девицы типа курсисток. Это учащаяся молодежь бросила аудитории Васильевского острова, чтобы поддержать рабочих.

Окна многоэтажных домов Невского унизаны обитателями, с любопытством и тревогой взирающими на прорвавшееся в центр города население рабочих окраин. Такой массы рабочих Невский не видал с 1905 г. Со стороны Адмиралтейства появляются казаки 1-го и 4-го донских полков. Они несутся карьером во всю ширину Невского, прямо в гущу народа, рядами человек по двенадцати на расстоянии 15—20 метров. Пики их торчат в небо. Из-под копыт лошадей взлетают вверх комья грязного снега и осколки льда. Казаки носятся взад и вперед, от Адмиралтейства до Знаменской площади, устремив взгляд через головы лошадей. Толпа проворно расступается перед ними, а сзади тотчас весело смыкается, образуя этими движениями посередине проспекта появляющуюся и пропадающую белую ленту. Впрочем, своей цели—помешать образованию толп и митингам—казаки достигают. Вытесненные на площади и боковые улицы казачьими аллюрами, рабочие скапливаются в огромные толпы и открывают ряд митингов у Казанского собора, на углу Садовой, на углу Владимирского и у Николаевского вокзала. Казаки, носясь стрелой по Невскому, не переходят за линию

тротуаров и не проникают до Знаменской площади, так что в боковых улицах и на площадях образуются своеобразные республики, где царит полная свобода. Находящиеся здесь разъезды конных городовых стоят смирно. На ряду с рабочими выступают случайные ораторы, скопившие годами одинокие обиды и одинокую горечь. Громят царя, правительство, распутинщину, продажные военные верхи. От долгого молчания чувства переполнены. Речи заговоривших немых путаны, несвязны. Но собравшемуся в этот день на Казанской площади народу связности и логики и не нужно. Первое свободное слово под открытым небом перед огромной толпой, на виду у казаков и полиции, воспринимается сердцем и звучит как музыка.

Воодушевленная толпа, по призыву ораторов, оборачивается лицом к Невскому и кричит казакам: „Бросьте оружие“, Слезайте с коней“, „Присоединяйтесь к народу“, „Не защищайте кровопийцу-царя“. Казаки только ниже пригибаются к коням и, не озираясь, поддают ходу.

Уличное движение февральских дней и уличные выступления 1905—1906 гг. воспринимались казаками совершенно различно. Если в 1905 г. „бунт“ являлся причиной их задержки на службе, причиной отрыва от семьи, от хозяйства, а потому—бей забастовщиков и в хвост и в гриву, то в февральские дни благодаря „бунту“ казаки надеялись (как и вся армия) покончить с войной. Отсюда сочувствие к забастовщикам-рабочим и ненависть к своим былым союзникам по подавлению народных движений, к „фараонам“, которые могут подавить движение, а с ним и надежду кончить войну и вернуться домой.

На Знаменской площади народу—как спичек в коробке. У памятника Александра III митинги и ораторы стихийные. У вокзала нейтрально стоят казаки, нагаек в руках нет, они „мирно“ висят где-то сбоку. По обеим сторонам Лиговки—тоже казаки и конная поли-

ция. Отношение толпы к тем и другим разное. Казакам, забыв все прежние обиды, кричат: „Да здравствуют казаки! Ура!“ Городовых озлобленно и презрительно задевают, молодежь бросает в них осколками льда, поднимает на-смех. „Фараоны“, не видя помощи, подавленные огромной численностью толпы, хмуро отмалчиваются и жмутся друг к другу.

Так до сумерок толпы бодро и радостно митингуют при неизменном „дружественном нейтралитете“ казаков. Деморализованные полицейские незаметно скрываются. Народ только по просьбам усталых казаков „разойтись по домам до завтра“ — расходится, громко выражая восторг и признательность по адресу казаков.

В этот день, по официальным данным, в толпе убитых и раненых не было. Избито 23 полицейских, убит полицеймейстер. Несколько чинов полиции ранено.

Вечером у Хабалова состоялось совещание о мерах прекращения „беспорядков“. Компания собралась почтенная: городской голова Лелянов, градоначальник Балк, командующий войсками Павленков, начальник охранного отделения Глобачев, жандармского — Клочков. В числе других решений было и предвиденное накануне рабочими-выборжцами: в ночь на 25-е „произвести обыски и арестовать уже намеченных охранным отделением лиц“ [1]. Были споры — ввести в столице осадное положение или нет. Решили не вводить.

* * *

25 февраля. Выборгская сторона и ее заводы перестают быть отправными пунктами революционного движения рабочих. Собрания на заводах уже не столь многолюдны, как в предшествовавшие два дня. Утром

[1] Авдеев, „Революция 1917 г.“, т. I.

рабочие заходят на заводы, так сказать, „транзитом“ — поделиться впечатлениями, увидать друг друга, и сейчас же идут в город. Выступающие на заводах рабочие ораторы растут с каждым днем в революционности и решимости своих призывов. Основные мотивы выступлений—перетягивать на свою сторону войска и вооружаться. Много рабочих уже оказываются вооруженными сделанным заранее в мастерских холодным оружием. Огнестрельное оружие имелось как исключение.

В этот день забастовка становится всеобщей. Люди движутся с окраин сплошным потоком, не сдерживаемые ни полицией ни войсками. Новые элементы населения, влившиеся в движение, делают его всенародным. Рабочая масса в целом становится его руководящим ядром.

Стихия скопленного долгими годами народного гнева вырвалась с окраин и перехлестнула через все плотины, крепко сооруженные трехсотлетней царской властью.

Заводы поголовно не работают, газеты не вышли, учреждения и торговля закрыты. Ворота дворов наглухо заперты, телефонная связь порвана. Движение трамваев, автомобилей, извозчиков замерло. Улицы завоеваны рабочими. Народ двигается сплошь, от тротуара до тротуара. Люди, вышедшие на улицу демонстрантами, превращаются в повстанцев. Окраины фактически в руках народа. Баррикад нет только потому, что масса не встречает препятствий. Ни малейших признаков какой-либо власти—полиция, солдаты, офицеры отсутствуют. Все враждебные силы стянулись, сосредоточились в центре государственного аппарата, на Невском, от Зимнего дворца до Знаменской площади.

Чем ближе к центру, тем больше меняется обстановка. Невский в руках царизма. Пущена в ход самая серьезная сила правительства—петроградский гарни-

зон. Всюду солдатские заставы. Солдаты хмуры, но народ пропускают, не трогают. На Литейном, Садовой, Знаменской площади—казаки, пехота, кавалерия. Отряды пехоты под командою приставов и офицеров разгоняют народ. Особенно злобны и ретивы при разгонах конные и пешие полицейские, разъезжающие и расхаживающие кучками человек по десяти-пятнадцати.

За два предыдущих дня народ „привык" к казакам и полицейским, узнал их настроения и определил свое отношение к тем и другим. Новая сила, выведенная против него 25 февраля, петроградский гарнизон, еще непонятный народу, вызывает тревогу и настороженность. Меньше криков „долой самодержавие", „долой войну". Меньше митингов. Людское море почти молча переливается по Невскому. Две силы, одна против другой, нащупывая друг друга, выжидают дальнейшего.

Пробным оселком для народа служит та же продажная наемная сила, „фараоны"—полицейские. Понемногу освоившаяся толпа снова начинает их третировать, задевать, улюлюкать по их адресу. Войска остаются равнодушными к обидам, наносимым полиции, и нападкам на нее. Солдаты во время войны еще больше казаков ненавидели полицию. Причин для этого было достаточно. В сознании народа полицейский участок являлся самым гнусным и самым подлым из всех учреждений царизма. Правда, в государственном аппарате самодержавия были еще более гнусные учреждения—жандармские и охранные отделения, но „касательство" к ним имела относительно небольшая часть народа: передовой слой рабочих и революционная интеллигенция. Широкие народные массы ближе были знакомы со скорпионами полицейских участков. Но, кроме общенародной ненависти к полицейским, людям, непосредственно проводившим в жизнь режим унижения человека, экономический и политический

гнет,—война породила еще ряд новых поводов для злобы против полиции. Солдаты съедаются вшами в окопах, их семьи бедствуют, остаются сиротами, а „продажные шкуры“, красномордые, здоровые полицейские остаются в тылу в сытости и тепле да еще получают жалованье. Но самое главное, чем питалась солдатская ненависть к полиции,—это сознание, что только через „бунт“, рабочую забастовку может быть достигнуто желанное „замирение“, а „шкуры“ полицейские оставлены в тылу для подавления этих „бунтов“, а стало быть и всех чаяний, надежд и ожиданий солдатско-крестьянских масс.

Солдатское равнодушие к нападкам на полицию пробуждает в народе вчерашние настроения бодрости и уверенности в победе.

Городовые, обозленные активностью толпы и напуганные безучастностью войск, пытаются взять наскоком. На Знаменской площади полиция с шашками наголо устремляется на толпу, окружающую оратора возле памятника „бегемоту“. Смятение. Люди падают под ноги лошадей. Толпа шарахается в стороны. Часть толпы бежит к казакам, стоящим в стороне, за защитой. Поведение казаков превосходит все ожидания. Они выходят из состояния „дружественного нейтралитета“ и бросаются на городовых. Полицейские, не ожидавшие такого оборота дела, поворачивают лошадей в сторону Лиговки и обращаются в бегство. Казаки за ними. Начальник полицейского отряда пристав Крылов убит выстрелом из винтовки.

Этот маневр казаков сразу передвигает двухдневную уличную демонстрацию на грань революции. Известие о происшествии проносится по всему Невскому, деморализуя полицейскую рать, вызывая радость и энтузиазм масс. Надежда первого дня движения, что винтовки не только не будут обращены против народа, но и обернутся дулом к его врагам, превращается в бодрую уверенность. Это настроение пе-

редается солдатам, которые и на фронте и в тылу жили только одной заветной мыслью о мире. Глубокое сочувствие к антивоенному рабочему движению таилось под корою тяжкой казарменной дисциплины. Пожилые, семейные крестьяне в солдатских шинелях боялись сами проявить инициативу, выразить это сочувствие к восставшим рабочим, переходить на их сторону: они ждали для этого какого-то толчка извне.

А с другой стороны вкоренившийся за долгие годы страх перед солдатами в строю сдерживал массу, мешал близко подойти к своим братьям, вооруженным винтовками. Казацкое выступление вечером 25 февраля у памятника Александру III уничтожило взаимную настороженность солдат и рабочих. И агония трехвекового царизма началась.

Полные потрясающих впечатлений, народные толпы не расходятся до позднего вечера. Кучки в три-четыре человека вырастают в огромные митинги. Пережитое за три дня порождает массовых энтузиастов-революционеров, готовых безоглядочно умереть за революцию. Каждого охватывает сознание своей неотделимости от судеб трудящихся всего мира, угнетенных и эксплоатируемых богатыми и сытыми.

Казачьи разъезды просят, наконец, толпы расходиться. Народ охотно повинуется. Все тише и тише возбужденные речи и песни революции. Люди растекаются в темноте по своим. домам, уходят обратно на окраины. По опустевшим улицам четко цокают подковы казачьих лошадей. Шагают молчаливые солдаты, унося в казармы свои крестьянские думы.

В этот день царь телеграфировал Хабалову:

„Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией“.

А царица, „по-дамски“ понимая события, писала мужу:

„Рабочим прямо надо сказать, чтобы они не устраивали забастовок, а если будут—посылать их на фронт. Совсем не надо стрельбы, нужен только порядок, и не пускать их переходить мосты, как они это делают".

И добавляет:

„Этот продовольственный вопрос сводит меня с ума"[1].

Ночью охранка производила обыски и аресты. В квартире Александра Куклина на Выборгской арестовали в последний раз при царском режиме пять членов большевистского ПК.

* * *

26 февраля. Праздничный день. Заводы закрыты. Как вышедшая в половодье из берегов река, народ залил улицы и площади столицы. Из домов вышли и старые и малые.

Сочувствие населения и войск питерского гарнизона вылившемуся на улицу рабочему движению определилось с ясностью, не оставляющей сомнения.

Кривая революционной готовности самой полумиллионной рабочей массы столицы достигла высшей точки.

Но до победы—еще дистанция огромного размера. Радоваться рано. Аппарат государственной власти, хоть и достаточно поколебленный, держится на своем месте. На своих местах министры, охранка, большинство полицейских участков, с целой армией ненавистных народу „фараонов". На своих местах тюрьмы, где крепко еще сидят пленники царизма. А главное, основное орудие подавления народных восстаний—войско—еще на стороне правительства.

Утром 26 февраля питерским пролетариатом владело единое сознание: развитие событий уперлось

---

[1] Авдеев, „Хроника революции", т. I.

в петроградский гарнизон. Только регулярные войска могли бы подавить движение, принявшее за три дня такой размах. Судьбы революции в руках солдат. Восстание победит, если хоть часть гарнизона перейдет на сторону рабочих. Объективные предпосылки к этому имелись. Ненависть к войне призванных из запаса пожилых крестьян, оторванных от земли и семей. Отчаяние, владевшее солдатами: гибель на фронте неизбежна, начальство все равно „продаст“. Ядро петроградского гарнизона—запасные части каждый день ждали приказа о посадке в вагоны для отправки на фронт. Были части, уже побывавшие на фронте и готовые на все, лишь бы снова не попасть туда. Наконец три дня наглядных уроков народного восстания, три дня общения армии с рабочими, укрепили родившуюся в окопах уверенность солдатских масс, что только рабочая забастовка вызовет „замирение“, прекращение войны.

Но и вековое рабство мужика, военная муштра, аракчеевская дисциплина тоже были сильны и в этот критический момент могли еще обратиться против народа.

Назревал перелом. Середины не было: или всенародное уличное движение переключится в революцию, или оно захлебнется в собственной крови. Это положение заставляло рабочих сознательно и бессознательно искать общения с солдатами. У ворот и окон казарм толпился народ. У Московских казарм на Сампсониевском, несмотря на энергичные разгоны, с утра до сумерок стояли толпы рабочих и работниц. Одни пытаются проникнуть в казармы. Другие вступают в разговоры с часовыми, уговаривая их не итти против своих братьев, рисуя им солдатскую тяжкую долю, неизбежное сиротство и нищенство их семей. Тяготение к солдатам не ослабевало, даже когда в ответ следовали площадная брань и угрозы штыками.

Военная сила столицы царизма—петроградский гарнизон представлял в эти дни армию в 150—160 тыс.

человек. В ее состав входили 14 запасных батальонов гвардейских полков: Преображенского, Семеновского, Павловского, Измайловского, Егерского, Московского, Гренадерского, Финляндского, Литовского, Кексгольмского, Петроградского, Волынского, 1-го и 2-го стрелковых, 1-й пехотный полк, 2 казачьих полка, самокатный батальон, броневой автомобильный дивизион, саперные, артиллерийские и другие части [1].

По случаю воскресенья народ стекался на Невский, без захода на заводы, прямо из дому, одиночками и небольшими группами. На улицах все население столицы. Окраины, как и в предыдущие дни, свободны от войск и полиции. Но мосты, переходы через лед заняты заставами пехоты и кавалерии. Солдаты встречают рабочих, подходящих близко, не по-вчерашнему: грубыми окриками „не подходи“, „проваливай“, с добавлением густого мата. Сплошной людской поток, встретив непреодолимое заграждение, разливается на отдельные ручьи и обходными путями прокладывает новые дороги. Лишь часам к двум дня Невский и прилегающие к нему улицы начинают наполняться народом. Царская телеграмма о „недопустимости беспорядков“ дала себя знать. Вид Невского зловещий. Солдаты, по преимуществу учебные команды различных частей, в отличие от предыдущих дней, расположились бивуаками. Ружья в козлах, разведены костры. Группами стоят офицеры, командующие отрядами. Все они, как на подбор, молодцевато подтянуты, в ловко пригнанных серо-голубых шинелях, в походном вооружении. Непринужденно беседуют, рисуются, любезно козыряют друг другу. Против Садовой—пулеметы. У Казанского собора и Аничкова моста залегли цепи, готовые к стрельбе. Попытки толпы близко подходить к солдатам парируются свирепым „матом“ и угрозой прикладами. Где-то уже пущены в ход винтовки: до-

[1] „Очерки по истории Октябрьской революции“, т. II.

носится беспорядочная стрельба пачками и в одиночку.

Толпы народа, подходящие с окраин, настроены по-вчерашнему бодро, но чем ближе к Невскому, тем все больше бодрость сменяется тревогой. Зато у полицейских растерянность сменилась наглостью. При попытках толпы остановиться на нее несутся „беглым шагом" пехота и полиция с ружьями наперевес. Часам к трем в помощь пехоте и полиции появляется кавалерия, которая пускает в ход шашки. Все же толпы, разгоняемые в одном месте, собираются в другом, несмотря на угрожающую обстановку. В возможность стрельбы никто не верит. Отношение войск к народу за прошлые дни не допускает этой мысли.

Стрельба началась часа в четыре у думы, потом у Литейного. Вначале стреляли беспорядочными пачками и, видимо, вверх или холостыми, так как народ, разбегаясь, оставлял на мостовой только шапки, калоши и муфты. Убитых или раненых не было. Несколько раз людские волны скатываются с мостовой на тротуары, в подъезды и ворота домов. Но лишь только выстрелы затихают, снова на мостовой толпы и над ними ораторы, страстно уверяющие, что солдаты—братья рабочих, и призывающие к борьбе с царизмом. Но такая „игра со смертью" не всем была по нервам. Народные толпы поредели еще до расстрела [1].

Но вот около пятого часа где-то проиграл рожок, значение которого не всем было понятно, и сейчас же началась стрельба правильными залпами с нескольких сторон— от Знаменской и Казанского собора. О стены домов зацокали пули, посыпались со звоном стекла, улица огласилась неистовыми криками ужаса, визгами женщин. Мгновение, и толпу начисто смело. Невский и площадь собора зазияли жуткой пустотой. На мостовой остались странно-неподвижно лежать

[1] По официальным сведениям убитых было 40—50 человек.

6—2538

убитые наповал. Раненые ползли к тротуарам. Проспект усеян калошами, шапками. Люди попрятались за колоннадами собора. Поперечные улицы—Казанская и Конюшенная—наполнились беглецами. Через минуту раздался новый залп. Вдоль по Невскому и в сторону Инженерной стреляли с колена солдаты.

Спасаясь от пуль, люди бросались во дворы домов, но с ужасом убеждались, что ворота каменных громад наглухо закрыты. Обезумевшая толпа заполнила своими телами все углубления—ниши окон, арки ворот, входы в подвалы. Подоспевшие позже старались втиснуть хоть голову в клубки из тел, оставляя туловище открытым. Лежали не шевелясь. Сверху со стен домов на тела сыпались откалываемые пулями щебень и известка.

Выждав прекращения стрельбы, поодиночке, отдираясь от тротуаров, от стен домов, вылезая из разных щелей, люди один за другим без оглядки бежали—кто куда. Большинство устремилось на ту сторону Невы, на Петроградскую и Выборгскую стороны.

На Троицкой площади, на Нижегородской, за Литейным мостом стояли толпы. Мосты и берег заняты солдатами. Свободно пропускали только бегущих из центра. В центр не пускали никого. Беглецы приносили вести о расстрелах, преувеличивая со страха число убитых и раненых, усиливая тревожно-подавленное настроение. На солдатах, охранявших мосты и берег, успела уже отразиться стрельба на Невском. Сочувствия к народу—как не бывало. Это были снова задавленные мужицким страхом и с перепугу свирепые усмирители уличных революционных выступлений. Никого не слушая, они еще издали злобно кричали: „Не подходи“, брали на изготовку ружья и щелкали затворами.

Наступили сумерки. Огней нигде не зажигалось. Из центра зловеще продолжали доноситься выстрелы. К ним присоединилось тарахтение пулеметов. Народ

в темноте молчком пробирался по своим окраинам. В этой жуткой тишине казалось, что движение провалилось, царизм взял верх, и завтра расстрел повторится на рабочих окраинах.

Никто из находившихся по эту сторону Невы не знал, что в этот час произошло и событие, определившее победу революции: первая попытка войск открыто стать на сторону народа. Под влиянием убеждений рабочих с оружием в руках вышла на улицу рота Павловского полка. К казарменным воротам подошла кучка рабочих. Все были расстроены и бледны. Перебивая друг друга, рабочие рассказывали дневальным о жестокой бойне на Невском.

— Скажите товарищам, что и павловцы в нас стреляют. Мы видели на Невском солдат в вашей форме[1].

Рота бросилась из казарм Конюшенной площади, чтобы заставить прекратить стрельбу и загнать учебную команду в казармы. Встретив на набережной Екатерининского канала отряд из десяти конных городовых, неизвестно как туда попавших, рота открыла по ним огонь. Один был убит, другой ранен, погибло несколько лошадей. Но до Невского рота почему-то не дошла и вернулась в казармы, чтобы поднять весь полк. Офицеры быстро вызвали части Преображенского полка, квартировавшего поблизости, у Зимнего дворца. Эти части и „усмирили“ павловцев. Девятнадцать „зачинщиков“ были ночью схвачены и посажены в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Только победа революции утром следующего дня спасла их от казни.

Об этой первой попытке солдат восстать народ узнал только на другой день, уже в пылу и пламени вспыхнувшей революции. Поэтому выступление павловцев, полное огромного революционного значения,

---

[1] Ив. Лукаш, „Павловцы“.

не могло поднять настроения в народных массах, растерянно отступивших после стрельбы по ту сторону Невы.

На Выборгской народ до поздней ночи не расходился по домам. Всеми владела уверенность, что завтра войска и полиция явятся и сюда. И это, несомненно, случилось бы, если бы на другой день не выступил Волынский полк. Обсуждались события прошедшего дня, строились планы завтрашнего. Собирались сооружать баррикады, измышляли способы вооружения. Общение друг с другом вновь возрождало бодрость. Жуть, навеянная расстрелом в центре, рассеялась в своем рабочем лагере. Возможность „сложить оружие“, прекратить борьбу никому и в голову не приходила. Настроение, созданное успехом первых трех дней уличного рабочего движения, не было уничтожено поражением четвертого дня.

Прощались, чтобы завтра встретиться на улице. На миру и смерть красна!

В февральские дни действенна и колоссальна была роль партийцев-революционеров, органически связанных с толпой—массой. Они являлись внутренними, естественными вдохновителями и руководителями массы, переживая вместе с ней все перипетии движения. Такими революционерами могли быть только рабочие и горсть интеллигентов-одиночек, неотрывно сросшихся с рабочими. Широкие круги петербургской революционной интеллигенции находились в роли сторонних наблюдателей движения. Это было результатом оторванности их от жизни масс до революции. Активными революционерами интеллигенты эсэровско-меньшевистского типа становятся с момента победы революции, с первого слета наскоро выбранного совета рабочих депутатов.

Некоторые попытки интеллигенции влиять на движение извне оказывались несуразными, ибо сторонний наблюдатель не мог чувствовать темпа движения, без-

надежно отставая от него. Так, комитет межрайонки[1] постановил на 25 февраля „призвать петербургских рабочих к *трехдневной стачке*", и почему-то „по случаю арестов и расстрелов рабочих Путиловского завода". Между тем значение этих арестов в тот момент потонуло в бушующей стихии движения. А 26 февраля в том же комитете был „подвергнут длительному обсуждению вопрос, как реагировать на приказ Хабалова стать на работу 28 февраля". И, „не желая быть в стороне от движения", а главное „опасаясь, чтобы оно окончательно не превратилось в стихийный порыв неорганизованных масс", наивные межрайонцы решили... выпустить листок с призывом игнорировать приказ Хабалова и продолжать „стачку".

Тот же Юренев сообщает, что 27 февраля, когда революция крушила остатки самодержавия, межрайонный комитет *единогласно* „решил призвать рабочих и солдат к всеобщему восстанию", а студентам и курсисткам было поручено „поднять рабочих и вести их на соединение с солдатами". Милая, молодая революционная суета!

* * *

27 февраля. Выступление на улицу рабочих Выборгской стороны на 5-й день превратилось в поголовную забастовку всех трудящихся, остановившую биение пульса столицы, центра движущих пружин всей страны. Революционная инициатива рабочих заставила замереть аппарат государственной власти, привела в замешательство и смятение оплот и надежду царизма и его опричнину—полицию и казаков. Дальнейший путь движения вел к разгрому ненавистных массе тюрем, охранки, полицейских участков, личного состава

---

[1] Юренев, „Межрайонка". „Пролетарская революция", 1924 г. № 25.

правительства. Но толпы революционного народа, напоровшиеся на штыки и пули солдат-крестьян, отхлынули на свои исходные позиции, на рабочие окраины. Движение вернулось к исходному положению.

Утром 27 февраля Выборгская сторона, как в первый день движения, кипела народом. Массы рабочих никуда не уходили со своих окраин, переливаясь лишь в границах Сампсониевского и смежных улиц. В воздухе стоял гул растревоженного гигантского человеческого улья. Пригревало солнце, освещая грязные, облупленные камни Сампсониевского проспекта, обнажая от грязного снега выщербленные плиты тротуаров, измызганные ногами рабочих поколений. Немыми громадами с черными глазами-окнами высились замершие заводы и фабрики.

Угроза перехода войск от обороны к наступлению нависла над рабочим людом. С часу на час рабочие окраины могут стать ареною боев вооруженных до зубов регулярных войск с безоружным народом, сильным только своей численностью и революционным подъемом.

Неужели опять? Неужели опять, как в 1905 г., военная муштра, крестьянская забитость и темнота солдат возьмут верх над братским классовым тяготением к пролетариям города—рабочим? Неужели опять вылившиеся на улицу из каменных стен заводов и фабрик гнев и протест рабочих масс против векового гнета, достигшие такого небывалого подъема, будут залиты кровью, затоптаны солдатскими сапогами, засечены казачьими плетьми?.. И опять палачи, казни, каторга, ссылка, разгром на много лет рабочего движения и торжество мещан? Жутко! Тысяча глаз напряженно всматриваются в сторону клиники Вилье, начала Сампсониевского проспекта, откуда могут появиться войска. И они появились...

Около часу дня какой-то потрясающий ток привел в движение и волнение черную громаду рабочего люда.

По Сампсониевскому, рассекая толпу, с грохотом несется грузовик, туго набитый стоящими солдатами с винтовками в руках. На штыках винтовок—нечто невиданное и неслыханное: развеваются красные флаги. Солдаты обращаются направо и налево к толпе, машут руками по направлению к клинике Вилье, что-то кричат. Но грохот машины и гул многотысячной толпы заглушают слова. Но слов и не надо. Красные флаги на штыках, возбужденные сияющие лица, сменившие деревянную тупость, говорят о победе.

Напряженное ожидание нападения войск, собственной гибели, гибели движения резко переключается в безудержный восторг.

— Победа! Революция! Наша взяла!

С молниеносной быстротой разносится весть, привезенная грузовиком. Восстали войска. Вышел из казарм Волынский полк, идет по Литейному, сейчас будет на Выборгской стороне.

Толпа устремляется по улицам, соединяющим Сампсониевский с Лесным, по Ломанскому, Нейшлотскому, Выборгской. Одновременно с поворота Нижегородской на Лесной появляются солдаты. Это—волынцы, составляющие главную массу восставших, и части полков Литовского и Преображенского. Они идут без всякого строя, густой толпой, образуя какой-то беспорядочный лес штыков.

Отцов и матерей не встречают с такой радостью, с какой бросился навстречу солдатам рабочий люд Выборгской стороны. Но у солдат восторга и в помине нет: они испуганы, растеряны. Народ все пожилой, типичные крестьяне. Многие сосредоточенно жуют хлеб, видимо, захваченный с собой обеденный паек. Идут бестолково, неуверенно, во всю ширину Лесного проспекта. По тротуарам без винтовок четким шагом идут фельдфебели и унтер-офицеры, флегматично понукая солдат. Понукают по привычке, ибо сами не знают, что им делать с солдатами и куда их вести.

В гущу восставших впитываются рабочие, молодежь, женщины. Солдаты от такой близости с „вольными“ хмурятся, не знают, как держаться, почти не разговаривают, отводят глаза. У Нейшлотского переулка, рядом с пустырем Финляндского вокзала, толпы народа врываются в какой-то двор со складом оружия и возвращаются оттуда, вооруженные кто чем. У одного шашка, висящая на веревке поверх ватного пиджака. В руках и карманах других—кольты, наганы. На плечах винтовки, иногда сразу по две. Вот они, повторенные через сто двадцать пять лет санкюлоты Великой французской революции! Шествие — сон наяву—движется дальше. В середине высится над всеми на лошади один-единственный молоденький офицерик с румяным лицом. Он сияет, он горд моментом. На острие его обнаженной шашки развевается кусок красной материи.

В гущу войск и народа вливаются освобожденные из разгромленных Крестов, предварилки, из женской тюрьмы на Арсенальной. Бывшие арестанты, из которых многие, видимо, протомились по нескольку лет в кандалах, измождены. Лица их землисты. Некоторые тащат за собой свое тюремное барахло. Кто политический, кто уголовный—не разберешь.

Рабоче-крестьянская армия подходит со стороны Лесного к Московским казармам. Здесь толпы восставших разделяются. Часть остается на месте, остальные идут дальше—снимать пулеметчиков. Ворота закрыты, двор пуст. В глубине двора в казармах заперты солдаты. Ничего не стоит свалить деревянный забор, но в окнах казарм пулеметы. Офицеры стерегут солдат, не выпуская из казармы. Рабочие начинают обстрел. Стреляют неумело, бестолково. Из солдат в стрельбе участвуют лишь одиночки. Большинство с опаской жмется к сторонке. Рабочая молодежь с пылом наседает на пожилых солдат, требуя стрелять. Один по одному, соединяясь друг с другом и образуя

что-то вроде взводов, солдаты присоединяются к обстрелу, делая его более планомерным.

После долгого молчания казарма подает признаки жизни. Раздаются несколько разрозненных ответных выстрелов. Среди осаждающих происходит какое-то движение. Это—поднимают трех-четырех упавших раненых. Они молоды. Побледнели. Сочится кровь. Откуда-то появляются с носилками бодрые и деловитые сестры и санитары-студенты Военно-медицинской академии. Они уверенно раздвигают толпу, наклоняются к пострадавшим, накладывают перевязки, выносят раненых из толпы и увозят в каретах в госпиталь.

К казармам подвозят орудие. Рабочие - артиллеристы начинают его устанавливать. Но солдаты уже выбираются из казарм и поодиночке перебегают огромный открытый двор, рискуя быть расстрелянными сзади, из окон казарм. Осажденные сломлены не огнем восставших, а зрелищем соединившихся солдат и рабочих, свободных от офицеров и полиции и распоряжающихся улицей. Московцы бегут через двор без оружия, в расстегнутых мундирах, без шинелей, лезут через забор на улицу. Достигшие толпы имеют вид помешанных. В волнении они не слышат приветственного „ура“ толпы, матюгают неизвестно кого. Двор все больше и больше наполняется бегущими из казарм солдатами. Осаждающие ломают забор, проникают на двор и вместе с московцами врываются в казармы. Десяток засевших там офицеров убиты. Из казарм уходят все до последнего человека.

Вооруженные санкюлоты-рабочие понемногу начинают уже верховодить растерянными и неловкими в одиночку, квалифицированными воинами-солдатами. Рабочие увлекли солдат снимать московцев, снимать пулеметчиков. По инициативе и распоряжениям групп рабочих, солдаты несколько раз обстреливали подозрительные места, из которых раздавались (или казалось, что раздаются) выстрелы — церковь на углу

Выборгской улицы и Лесного проспекта, чердак дома около Новой улицы и какое-то казенное здание у Финляндского вокзала. Да и сами солдаты, привыкшие к подчинению, напрашивались под командование рабочих.

Рабочий молодняк группами растекается по Выборгской стороне и по собственной инициативе реквизирует все чайные и столовые, объявляя их „собственностью народа". С шутками и прибаутками, но с революционной категоричностью выдворяют оттуда брыкающихся хозяев.

В одну из таких реквизированных чайных, на углу Нейшлотского, рабочие пригласили группу солдат пить чай. Но едва солдаты подошли к чайной, как затарахтел пулемет со стороны церкви на углу Выборгской улицы. Солдаты, бросая винтовки, рассыпались кто куда. Часть, разбив окна, вломилась в чайную, образовав в ней гущу тел. Котел с приготовленным кипятком оказался каким-то образом вывороченным из печи, кипяток разлился по полу, покрывая густым паром копошашееся и злобно ругающееся человеческое месиво. Оправившись от испуга, солдаты выбегают из чайной и по указанию рабочих обстреливают церковь, в несколько минут исковыряв ее фасад до неузнаваемости.

В этот день еще не весь петроградский гарнизон перешел на сторону народа. Потому возвращаться на ночь в казармы солдатам было опасно. На плечи рабочих легла забота о кровле и пище для солдатской массы. Тысячи добровольцев бросились очищать чайные и столовые, пустующие помещения. Пытались даже приспособить для этой цели огромную женскую тюрьму на Арсенальной, оставленную ее населением в большом порядке, с начищенными блестящими медными кубами. Но солдаты шли в тюрьму неохотно. Почти на каждой квартире Выборгской стороны появились записки, радушно предлагавшие солдатам пищу и ночлег. Спешно

собравшееся правление Выборгского потребительского общества в Крапивном переулке вынесло небывалое в летописях Общества решение: выдать весь продовольственный запас кооператива для солдат.

Вечером рабочие громили ненавистный полицейский участок в самом сердце рабочей окраины — на Сампсониевском, около завода Эриксона. Огромный костер из полицейских „дел“, царских и градоначальнических портретов освещал радостные лица пролетариев и озорные фигуры рабочей молодежи, вооруженной „до зубов“.

Кучки народа водили по улице полицейских, извлеченных с чердаков, из подвалов, куда они со страха попрятались. Их били с интервалами: побьют, отдохнут—снова бьют. Почти помешанные от ужаса, окровавленные, с заплывшими от синяков глазами, в лохмотьях, они то-и-дело валились в ноги толпе, униженно умоляя о пощаде.

Только в этот день царь, наконец, удосужился „даровать“ народу по телеграфу из ставки... „ответственное министерство“.

* * *

Пять дней революционная буря хлестала о стены трехвекового самодержавия. На шестое разбила его вдребезги, унеся обломки трона и пышного его окружения в бездну забвения.

Начиная с двадцатых годов прошлого века ряд поколений революционеров-одиночек единоборствовал с самодержавием, погибая в этой неравной борьбе. На смену героям вступил в борьбу класс и за два десятка лет подготовил гибель старого чудища.

Движущей силой борьбы рабочих являлось стремление к освобождению от капиталистической эксплоатации и политического рабства. Отсюда—страстность и неуемность борьбы, ее целеустремленность и

беззаветность. Силы же, призванные к непосредственной борьбе с революцией—жандармы, охранники, полиция, чиновники—боролись лишь по „казенной надобности", шкурно—за жалованье, за награды, за доходные места, безыдейно. Внутренние стимулы к борьбе у революционеров были могучи, у охранителей павшего строя—ничтожны.

Утром 27 февраля дым горевшего окружного суда известил население столицы бывшей Российской империи о победе рабочих и солдат. Народ отводит душу—изливает накопившуюся за десятки лет злобу и ненависть, избивает и убивает полицейских, срывает и разбивает эмблемы самодержавия — орлы, гербы. Группы солдат и рабочих стаскивают с чердаков и крыш запоздалых протопоповских пулеметчиков [1]. Грузовики с вооруженными солдатами возят в Государственную думу арестованных министров и генералов. Торжество революции полное. К ней присоединяются все и вся. В паническом ужасе перед революцией „на сторону народа" „переходят" и те, кому об этом не снилось и накануне.

Полки петроградского гарнизона шагали к Государственной думе, ставшей на короткий момент центром притяжения победившего революционного народа. А попавшие „без драки в большие забияки" думцы только накануне, видя, что февральское движение не на шутку заходит за нужную буржуазии черту, обсуждали меры „к прекращению беспорядков", для чего проектировали организовать военную диктатуру Михаила Романова или генералов Поливанова и Маниковского [2].

---

[1] Что пулеметы имелись в распоряжении полиции, подтверждается хотя бы тем, что на заседании думского особого совещания по обороне 2' января 1917 г. был установлен факт передачи военным начальством пулеметов петроградской полиции для уличной борьбы с рабочими (Авдеев, „Хроника революции", т. I).

[2] Мансырев, „Мои воспоминания". „Революция в описаниях белогвардейцев".

С окончательной победой революции над самодержавием, после арестов министров, убийств высшего офицерского состава и появления страшных солдатских грузовиков, буржуазия ясно поняла, что она попала в страшный капкан. Революция не остановится на истреблении министров и генералов, а перейдет к промышленникам, капиталистам и помещикам. „Сегодня ты, а завтра я!"

Сгоняя с лица гримасу отвращения и ужаса, Родзянки, Гучковы и Милюковы, нацепив на себя красные ленты, приветствуют восставших солдат, раскрывают объятия мятежным рабочим, уверяют их в своей преданности революции, сулят восставшему народу всяческие свободы, думая только об одном:

„Страшный зверь, вырвавшийся из каменных стен и железных решоток, казарм, фабрик, заводов и тюрем самодержавия, должен быть обратно загнан в них во что бы то ни стало, какой угодно ценой, до пулеметов включительно!"

Отсюда контрреволюционные замыслы либеральной буржуазии, еще так недавно „сочувствовавшей" рабочему движению.

Буржуазия вместе с верхами военщины делает ряд попыток окружить революцию „верными" войсками. Создается план снять с каждого фронта по два полка кавалерии и по два полка пехоты и батальоны георгиевских кавалеров, во главе этого отряда поставить „энергичного" генерала И. Иванова и итти на революционный Петроград [1]. Не дожидаясь прихода Иванова, буржуазия пытается противопоставить восставшим войскам отряд генерала Кутепова, набранный из отдельных „верных и надежных" рот гвардейских частей столицы. Все эти мероприятия не достигают цели не по вине буржуазии. „Верные и преданные ей" воинские части, входя в соприкосновение с восставшими

[1] „Очерки по истории Октябрьской революции", т. II.

растворяются в них, как расплавляется отдельный кусок металла, брошенный в кипящую металлическую массу.

К моменту победы революции питерская революционная масса составляла около 500.000 рабочих и 150.000 войск. Ни пролетариат ни крестьянство к этому времени не имели своих массовых организаций. Кадры питерских рабочих включали в себя большой процент малосознательных выходцев деревни. Восставший петроградский гарнизон представлял собой уже чистокровных крестьян в солдатских шинелях.

„Недостаточная численность пролетариата в России, недостаточная сознательность и организованность его — вот одна из причин, почему революция, совершенная помимо и против буржуазии, все же передала власть буржуазии", — писал Ленин [1]. Поэтому и во время войны, и в Февральскую революцию, и в первые месяцы после нее близкие к рабочим по своему экономическому положению слои крестьянства — середняцкие и бедняцкие, а также и армия — не могли быть в достаточной степени охвачены организующим влиянием рабочего класса. Такому составу восставших, с таким политическим уровнем и классовым сознанием, в первый момент победы была по плечу Государственная дума, а через несколько дней и эсэровско-меньшевистский состав советов и коалиционное Временное правительство.

Пролетариат, победивший самодержавие, не был настолько классово-сознателен и организован, чтобы выдержать напор политически проснувшейся мелкобуржуазной стихии. Он не взял завоеванной власти полностью в свои руки, уступив ее буржуазии.

Только Октябрьская революция, первая за всю историю революций, оставила власть у того класса, который ее совершил, у рабочих и трудового крестьянства.

[1] „Задачи пролетариата в нашей революции", т. XI, ч. 2.

Но вместе с тем в результате Февральской революции пролетариат создал зародыши своей классовой власти — советы, опиравшиеся не на писаный закон, а на непосредственную силу вооруженного класса, создал органы будущей диктатуры пролетариата.

Но эсэровско-меньшевистское большинство советов вместо осуществления требования рабоче-крестьянских масс „долой войну“, явившегося основной движущей силой февраля, взяло курс на продолжение войны, на ее усиление, т. е. эсэро-меньшевики обманули массы, демобилизовавшиеся после победы революции.

И рабоче-крестьянские и солдатские массы поняли, что защищать их интересы может только партия большевиков. Поэтому понадобился лишь короткий промежуток времени, всего восемь месяцев—от февраля до октября, чтобы собрать, сорганизовать, сплотить рабочий класс России вокруг большевистской партии, вокруг лозунгов и тактики Ленина.

В этот промежуток времени полукрестьянские, полупролетарские слои старой России выросли в пролетарскую армию, совершившую под руководством своего авангарда и партии большевиков социалистическую революцию. Недаром за этот невиданный в мировой истории пробег—от самодержавия, феодального империализма (по выражению Ленина) до социалистической революции — многие, „медленно поспешая“, сбились с темпа и остались в хвосте.

1905 год расчистил путь революции Февральской. Подъем рабочего движения в предвоенные годы был ее началом. Сам Февраль послужил лишь прологом к Октябрю, к революции пролетарской.

Пять дней Февральской революции были результатом многих лет классовой борьбы и работы поколений революционеров. Путь к „бескровной“ Февральской революции лежал через горы трупов, через тюрьмы, каторги и ссылки.

Этот путь воспитал кадры русских революционеров, показавших рабочим и крестьянам всего мира, как надо бороться за свое освобождение.

Годы классовой борьбы выковали и передовой слой пролетариев питерских заводов и фабрик, застрельщиков и вдохновителей движения Февральских дней. Питерские пролетарии сумели под руководством партии большевиков дать начавшемуся стихийно февральскому движению осмысленную политическую программу и личным революционным примером, прямым инструктированием масс направить стихию народно-пролетарского гнева в определенное русло—свержение самодержавия.
